

Алла Анатольевна Гореликова
Меч войны, или Осужденные
Серия «Корона», книга 4

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239182
Меч войны, или Осужденные: М.; 2009
ISBN 978-5-9717-0572-7

Аннотация

Его называют верным львом императора. Его преданность испытана кровью. Но однажды он бросит наземь подаренный монархом клинок – ради прекрасной чужеземки, обвиненной в шпионаже.

Она – паломница, приехавшая в империю с тайной миссией. Она любит другого. Но она согласится стать его женой.

У них есть общий враг, и это свяжет их крепче церковного обряда. Но это еще не значит, что удача будет вместе с ними в трудном и опасном пути – через войну и интриги, через ненависть и любовь...

Содержание

О ТАЙНАХ И НЕДОМОЛВКАХ	4
1. В Ингар!	4
2. Мариана, девица из благородной семьи	11
3. Граф Готье Унгери, капитан службы безопасности Таргалы	16
4. Анже, бывший послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене, ныне же – дозначик службы безопасности Таргалы	18
5. Благородный Иртаджд иль-Хаббани, посол сиятельного императора	20
6. Луи, король Таргалы	21
СТЕПНАЯ ВОЛЧИЦА	22
1. Егорий, король Двенадцати Земель	22
2. Валерий, наследный принц Двенадцати Земель	23
3. Дмитрий, князь Белопольский	27
4. Валерий, наследный принц Двенадцати Земель, и Саглара из семьи Пепельных Волков, его невеста	29
О ПОСЛАХ И ПОСЛАНЦАХ	30
1. Луи, король Таргалы	30
2. Ич-Тойвин, святой город	33
3. Брат провозвестник Светлейшего Капитула	37
4. Пресветлый отец предстоятель из монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	39
ДЕЛА ЛЮБОВНЫЕ	40
1. Мариана, девица из благородной семьи	40
2. Благородный Ферхад иль-Джамидер, прозванный Лев Ич-Тойвина	41
3. Серж, дозначик службы безопасности Таргалы	43
4. Благородный Ферхад иль-Джамидер, прозванный Лев Ич-Тойвина	45
5. Мариана, девица из благородной семьи	47
О ПУТЯХ В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ	51
1. Брат провозвестник Светлейшего Капитула	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алла Гореликова

Меч войны, или Осужденные

О ТАЙНАХ И НЕДОМОЛВКАХ

1. В Ингар!

Шлюп назывался «Крыло ветра».

В посольской эскадре, сплошь из фрегатов и галеонов, смотрелся он, как левретка в своре натасканных на медведя мастифов. Однако и выросший у моря Барти, и частенько гостившая в Южной Миссии Мариана заметили и оценили нехарактерные для ханджарских кораблей линии корпуса, высоту мачт и размах рей.

Пассажирам отвели каюту в носовой надстройке: подальше от капитана, арсенала и спуска в трюм, как шепотом объяснил Мариане сэра Барти. И на том спасибо, буркнула в ответ девушка, а то сколько еще на берегу сидели бы.

Юнга, коверкая таргальские слова, сообщил, что капитан заглянет позже, что на палубу пока лучше не высовываться и что «Крыло ветра» – лучший корабль по обе стороны островного пролива. Обращался он исключительно к рыцарю, оттерев девушку в сторону и мешая ей войти; себастиец кивал в ответ и на спутницу глядеть избегал. Мариана теребила кончик косы и думала о Пенке. В который раз говорила себе, что тащить коней за море было бы глупо: тетушкин конюх прекрасно за ними присмотрит, а они в Ингаре купят привычных к знойным ветрам и скудному корму ханджарцев. Но оставить любимицу в чужих руках оказалось неожиданно тяжело – будто предала.

Наконец юнга ушел, крепко зажав в кулаке полученную от рыцаря монетку, и Барти повернулся к Мариане:

– Что ж, давай устраиваться. Эй, Мариана! Ты плачешь?

– Нет, что ты! – Мариана мотнула головой и через силу улыбнулась. – Так, задумалась.

– Входи же.

Рыцарь прикрыл дверь, мимоходом отметив, что щеколда не выдержит не то что удара – пинка; между тем Мариана оглядывала каюту, и щеки ее заливала краска.

– Барти, – прошептала, поймав его взгляд, – за кого он нас?... Что ты ему наговорил?! Это покои самого императора, не иначе!

Каюты явно предназначались не для простых пассажиров. Широкое окно прикрыто поверх ставня белой полупрозрачной занавеской; на полу ковер из пушистых рыжих шкур; мягкий диван завален яркими шелковыми подушками, рядом плотная аксамитовая занавесь прикрывает стену. Под потолком висит шарик «лунного сияния», роняет на шелк серебристые отблески.

Барти пожал плечами:

– В империи любят роскошь, только и всего. Между прочим, обрати внимание: аксамит золотой, не серебряный. Никаких заклятий, чистая показуха. – Откинул занавесь; за нею оказалась спальня: широкая низкая кровать, умывальник над серебряным тазиком, небольшое зеркало, лавка-сундук. – Каюта, скорей всего, какого-нибудь младшего секретаря: хороша, но для посла здесь тесно и убого.

– Убого?!

Придерживай язык, обругал себя Барти. Давно ведь понял: девица выросла пусть не в нищете, но в изрядной скромности. По счастью, шлюп колыхнулся, разворачиваясь, и Барти поспешно сказал:

– Отчаливаем.

Мариана глубоко вздохнула, с трудом сдерживая нервную дрожь. Пожалуй, впервые после ухода из родного дома девушку охватил настолько острый страх перед будущим. Теперь и захочешь – не вернешься. Всего час назад еще можно было послушать Барти, отпустить его одного, остаться... Да, она не хотела этого и никогда бы так не сделала, но – могла ведь! И вот путь к отступлению отрезан. Теперь – только вперед, и без разницы, храбрец ты или трус: дорога одна.

Девушка тряхнула головой, заправила за ухо непослушную прядь. Ну в самом деле, чего она боится? В Ич-Тойвин едет столько паломников... а ей всего-то и нужно – передать по назначению письмо. Зато потом можно отстоять службу в главном храме Капитула и поклониться святым местам. А если в ночь полнолуния подняться на Поющую гору, встретить там рассвет и загадать желание, оно обязательно исполнится!

Девушка встретилась взглядом с рыцарем, спросила дерзко:

– Что это вы на меня так странно смотрите, сэра Бартоломью? Не иначе, опять хотите сказать, что зря я поехала?

– Толку теперь говорить? – неожиданно мрачно ответил Барти. – Раньше надо было, теперь уж поздно.

Похоже, иногда и бесстрашных рыцарей одолевают дурные предчувствия, подумала Мариана.

– Помнишь, ты спрашивала, бывал ли я в империи? – Барти прошелся по каюте, остановился перед Марианой. – Был, да. Мы охраняли паломниц. Аббатиса монастыря Урсулы Кающейся и полтора десятка ее монахинь. До Ич-Тойвина шел тогда большой караван, и охраны хватало кроме нас, но...

Лицо рыцаря исказила судорога; Мариана испуганно коснулась его руки. Барти сочувствия не принял. Повернулся на каблуках, отошел к окну. Вцепился побелевшими пальцами в край ставня.

– Нас было там пятеро, а остался я один. Братья-миссионеры хоронили мертвых и наткнулись на меня. А мертвых было не так уж много.

Девушка глядела в закаменевшую спину рыцаря, и слова не шли на язык.

– На юге, Мариана, рабы в цене, – горько подытожил Барти. – И рабы... и рабыни.

Какое-то время рыцарь молчал; потом резко выдохнул и повернулся к Мариане:

– Еще одно ты должна помнить все время. У императора полторы сотни жен, и чем знатнее вельможа, тем усердней он следует примеру владыки. Будь осторожна, Мариана. Одна слишком вольная улыбка, один нескромный взгляд – и уже не объяснишь, что ты туда не мужа искать приехала.

– Но... – Мариана сглотнула ком, закупоривший горло. – Но, Барти... разве они не верят в Господа?!

– Верят, – пожал плечами себастиец.

– Но разве Господь разрешает такое непотребство?!

– Это не ко мне, Мариана. Я не знаю, как мирится с этим Капитул и чем оправдывает. Но подумай сама – если бы не оправдывал...

Мариана поежилась. Теперь она лучше понимала желание рыцаря оставить ее в Южной Миссии и ехать самому.

– Я буду осторожна, Барти. Обещаю.

– И займи дальнюю комнату.

– Конечно.

Рассказ рыцаря смутил девушку, но, по счастью, Барти не обратил внимания на необычную для нее покладистость. Мариана проскользнула под златотканую занавесь, швырнула сумки на кровать и зажала рот ладонью. Больше всего сейчас она боялась разрыдаться.

Суета на палубе стихла, зато усилилась качка – похоже, шлюп вышел уже из гавани. Барти раздумывал, стоит ли открыть ставень, когда в каюту, коротко постучав, вошел капитан.

– Прекрасный сьер, – заговорил он резко и деловито, – я должен объяснить вам и вашей спутнице обязательные для пассажиров моего корабля правила.

– Прошу вас. – Барти шагнул к занавеси, окликнул: – Мариана!

– Я слышала, – отозвалась девушка. – Сейчас выйду.

Капитан прошелся по каюте, остановился у окна. Сказал:

– Окно не открывайте. На море случаются шквалы.

– Понимаю, – кивнул Барти.

Мариана появилась довольно быстро; она переделалась в подобающее паломнице скромное платье, темно-зеленое, с белым девичьим воротничком, и походила на монастырскую пансионерку. Рыцарь взял девушку за кончики пальцев, повернулся к капитану:

– Сьер капитан, позвольте представить мою подопечную. Благородная Мариана направляется в Ич-Тойвин именем и во благо Святой Церкви.

– Рад приветствовать на борту, – капитан прижал руку к сердцу и кивком, по-военному, обозначил поклон.

Девушка присела в изящном реверансе.

– Мариана, позволь рекомендовать нашего капитана: сьер Кариссиен.

– Для такой прекрасной госпожи здесь слишком тесно и мрачно, – покачал головой капитан.

Рыцарь напрягся, но Мариана тоже поняла, к чему идет, сказала поспешно:

– Нет, что вы, добрый сьер! Каюта мне нравится, здесь так уютно. Сам Господь привел нас на «Крыло ветра».

– Надеюсь, вы окажете мне честь, – капитан сверкнул улыбкой из-под пышных черных усов, – и украсите наши трапезы своим присутствием, столь желанным для глаз моряка, отвыкшего от истинной красоты.

Мариана взглянула на Барти.

– Ваше общество, сьер рыцарь, также порадует нас, – тут же заверил капитан.

– Благодарю, сьер Кариссиен, мы с радостью принимаем приглашение. Однако вы собирались говорить не об этом?

– Да, увы. – Капитан пригладил усы. – Лицезрение прекрасной госпожи отвлекло меня. Я должен сразу предупредить вас, мой добрый сьер, и в особенности вашу спутницу: палуба корабля – неподходящее место для прогулок. Чем меньше вы будете выходить из каюты, тем лучше. Мой слуга возьмет на себя заботу о вас; он же будет провожать вас к трапезам. Если у вас возникнут вопросы, можете задать их ему... Или мне. Разговаривать с матросами не советую, да они вас и не поймут. Согласитесь, я не требую слишком многого.

– Разумеется, сьер капитан, и вы в своем праве, – кивнул Барти. – Мы последуем вашим советам.

– Сделайте такое одолжение. – Из-под пышных усов вновь сверкнула улыбка. – Госпожа Мариана, – капитан поклонился, – до встречи.

Дверь закрылась бесшумно.

Барти покачал головой. Взял Мариану под руку, завел в спальню. Тихо, чуть слышно сказал:

– Ты ему приглянулась.

– Только этого не хватало! Послушай, Барти, разве мы не можем есть у себя в каюте?

– Там видно будет. Но первым приглашением нельзя пренебречь, как бы ни хотелось. Мариана сморщила нос:

– Кажется, меня ждет еще одно деяние из тех, что не прославят никого из доблестных сэров. Что за невезение!

– Если тебя это утешит, – хмыкнул рыцарь, – приходилось и доблестным сэрам изворачиваться, избегая внимания ханджарских моряков. В империи на этот счет не слишком разборчивы.

Мариана залилась краской.

– Дам тебе совет, Мариана: ханджары боятся гнева Господнего. На земле на этом не сыграешь: там, согрешив, можно тут же купить прощение. Отстоять службу, к исповеди сходить, на храм пожертвовать... Но в море, – Барти покачал головой, – сама понимаешь, до берега далеко, а святости корабельного капеллана может и не хватить против бури. А ты путешествуешь именем и во благо Церкви.

– Так ты нарочно это сказал? – У Марианы отлегло от сердца: как ни крути, а прикрыться именем Церкви куда проще, чем отбиваться от ненужных знаков внимания.

– Хуже всяко бы не было, – повел плечами рыцарь.

Сьер Кариссиен принял гостей так роскошно, что Мариана убедилась: по имперским меркам их каюта и впрямь скромна до убогости. В капитанскую трапезную вместились бы с десяток отведенных пассажирам каморок. Сквозь оба окна – одно на палубу и другое на море за кормой – виделось все так ясно и правильно, будто не стекло в переплет вставлено, а пластины чистой воды хрусталя; солнечный свет потоком лился на белоснежную скатерть, вспыхивал огнем на золотых кубках и тонул в бутылках с вином. В рыжем с черным крапом ковре, сшитом из меха неведомого Мариане зверя, ноги тонули по щиколотку, а низенький диванчик под дальним от входа окном манил яично-желтым шелком подушек. Даже обшитые темным дубом стены при таком убранстве совсем не выглядели мрачно.

Капитан заметил восхищение гостыи, довольно пригладил усы. Шагнул навстречу:

– Умоляю прекрасную госпожу не стесняться!

Мариана лихорадочно перебирала возможные ответы, когда часть стены отъехала в сторону, и в проем шагнул молодой человек, почти юноша. Для северянина все ханджары почти на одно лицо, но все же в юноше угадывалось близкое родство с капитаном; казалось, они отлиты в одной форме, лишь с разницей в десяток лет. Сьер Кариссиен заметил метнувшийся в сторону взгляд гостыи, обернулся:

– Ты опоздал, Эньен, это неучтиво. Проси прощения у нашей гостыи. Прекрасная госпожа Мариана, я счастлив представить вам своего племянника. Он еще молод, но, смею утверждать, у меня не было первого помощника лучше. Весьма многообещающий офицер, немногие к семнадцати годам добивались столь значительного положения. Хотя у нас в семье все такие. Господом клянусь, недалек день, когда сьер Эньен из Ич-Карисси сам станет капитаном.

– Любезный дядя мне льстит. – Эньен стремительно подошел к гостье, протянул руку. – Разрешите проводить вас к столу, о прекраснейшая.

Обескураженная галантным натиском, Мариана молча подчинилась; юноша выдвинул мягкий стул с гнутой спинкой, подождал, пока девушка усядется, и опустил по левую руку от нее. Капитан усмехнулся:

– Юности недостает манер, зато с избытком напора. Проходите же, мой добрый сьер. Садитесь со мною рядом: оставим молодость молодости. Вина? Вот «Бешеный лев» семилетней выдержки, вот настоящая «Кровь Диарталы», вряд ли вы пробовали, в Таргалу ее продают только королевскому управителю, а это – «Полуденное солнце».

– Конечно, – ворковал между тем Эньен, – в должности первого помощника на «Крыле ветра» я еще многому должен научиться. Но со временем...

– Налейте диартальского, – попросил рыцарь. – Я слышал о нем и, признаться, рад случаю попробовать.

– Выбор ценителя! – Сьер Кариссиен выдернул пробку, потянулся налить гостю.

– Нет-нет, – Мариана поспешно отодвинула кубок. – Негоже паломнице пить вино, а я ведь еду в Ич-Тойвин, святой город!

– Вы не только прекрасны, госпожа моя, но и чисты душой. – Эньен сделал попытку поцеловать тонкие девичьи пальцы.

Мариана отняла у юноши руку и отодвинулась.

– Эньени, – бросил капитан, – будь любезен, поторопи...

– Да, сейчас! – Юноша вскочил, словно невзначай коснувшись плеча гостя, и кинулся к двери. Покрасневшая девушка сквозь шум крови в ушах еле расслышала резкий оклик, слов же не разобрала вовсе – хотя, как все уроженцы южного побережья, ханджарский диалект понимала свободно.

– Сьер Эньен, – Барти наградил вернувшегося к столу юношу откровенно оценивающим взглядом, – я прошу вас не смущать мою подопечную. Поверьте, так будет лучше прежде всего для вас.

– Верю! – Капитанов племянник легкомысленно улыбнулся. – Прекрасная госпожа моя, простите несчастного, что сражен вашей красотой и добродетелью и готов отныне жить у ваших ног! Если я и позволил себе лишнее, то не по злomu умыслу, а от восторга и смущения.

Мариана прикусила губу – ее грызло острое желание огреть назойливого кавалера... ну хоть бутылкой! Конечно, столь решительный отпор вряд ли приличествует скромной паломнице... Но как, Свет Господень, как эти самые паломницы умудряются сохранять скромность, не распуская рук?! Слов здесь явно мало, их просто не воспринимают, эти слова...

– Боюсь, любезный сьер, вы меня не поняли, – притворно вздохнул себастиец. – Мои слова следовало расценивать как дружеское предостережение, вы же повели себя так, словно услышали пустую угрозу. Право, жаль. Вы, конечно, молоды, но я полагал вас умнее обычных юнцов. Все-таки первый помощник на таком корабле – это не какой-то там порученец или курьер. Офицер такого ранга должен просчитывать последствия своих слов и поступков. Сьер капитан, вы со мной согласны?

Отворилась дверь, давешний юнга внес блюдо с горячим мясом. Запах незнакомых специй защекотал нос, Мариана сглотнула слюну: вино здесь явно будет к месту. Попросить воды?

– Эньени, ты и в самом деле позволяешь себе, – капитан сделал многозначительную паузу, – лишнее. Наша гостя не захочет прийти сюда еще раз, и виноват в этом будешь ты со своими неумными восторгами. – Отчитав племянника, сьер Кариссиен вернулся к диартальскому; бордовое вино, булькающая, полилось в золотые кубки, и над столом поплыл приторно-терпкий аромат переспелого винограда. – Вы гость у меня, сьер Бартоломью, первый тост ваш.

– Сьер капитан, – Мариана робко улыбнулась, – чем запивают девушки такое мясо на вашей родине? Ведь его надо запивать, я права?

– Еще как права, – пробормотал себастиец.

– Кизилый сок с водой, – сообщил капитан. – Сейчас вам принесут его, прекрасная госпожа. Вы разрешите Эньену поухаживать за вами?

Не дожидаясь ответа, юноша ловко переложил на тарелку гостя пышущий жаром, политый остро пахнущей подливой кусок.

– Вам должно понравиться, госпожа моя.

Все тот же юнга поставил перед Марианой серебряный, украшенный бирюзой кувшинчик. Эньен придвинул девушке кубок, алый сок ударился в дно, брызнул на стенки, одинокая капля расплзлась пятном по скатерти.

Сэр Барти положил себе мяса и поднял кубок:

– За «Крыло ветра» и его капитана. Готов поспорить, сьер Кариссиен, что у вас самое быстроходное судно на оба знакомых мне моря.

– Это верно! – Эньен улыбнулся гордо, словно корабль принадлежал ему. – За «Крыло ветра» и за попутный ветер!

Кубки осушили до дна; Мариана пригубила разбавленный водой кизилковый сок и осторожно попробовала мясо. Пряное, кисло-сладкое... но как во рту после него горит! Девушка отпила еще сока. Нет, ну что за умница Барти! Надо запомнить: моряку его корабль интересней любой красавицы.

– Да, мой шлюп оправдывает название, – сьер Кариссиен довольно ухмыльнулся. – Я хожу на нем почти четыре года, и ни разу он не подвел меня. Моя очередь... Разливайте, мой прекрасный сьер.

– С радостью! – Барти наполнил кубки. – Что за чудесное вино, сьер капитан! Не удивляюсь, что его приберегают для королевского стола.

– Что да, то да, – согласился капитан. – Диартала славится винами, но это – лучшее. Лучшее из лучших! Ах, моя прекрасная госпожа, воистину жаль, что ваш обет не разрешает вам насладиться вместе с нами.

– Возможно, на обратном пути? – Эньен многозначительно взглянул на скромную паломницу.

– Может быть, – пожала плечами Мариана. – Посмотрим. Но скажите же ваш тост, сьер Кариссиен! Я выпью с вами, мне понравился сок... как вы его назвали?

– Кизилковый, – подсказал Эньен.

– Да, кизилковый, – Мариана благодарно кивнула. – Теперь я запомню.

– Мой тост, – капитан поднял кубок, – за победы! За те победы, моя прекрасная госпожа, что мужчины готовы сложить к ножкам обворожительных женщин.

– И за победы над ними? – вполголоса добавил Барти.

Оба ханджара кивнули и выпили залпом – один как отражение другого. По спине Марианы пробежал тревожный холодок. Под горячими взглядами смуглых черноусых красавцев сок не шел в горло; Мариана пригубила, поставила кубок. Отметила, что Барти тоже отпил самую малость.

– Но теперь, госпожа моя, вы должны нам ответный тост. – Эньен подлил девушке сока, и скатерть украсило еще одно пятно.

– С радостью, – через силу улыбнулась Мариана. Что же сказать?! Встретилась взглядом с рыцарем: подскажи!.. Ответ пришел сам собой. – Пусть удача сопутствует «Крылу ветра» во всех морях! Я выросла у моря, но не видела корабля краше. И пусть вам, сьер Эньен, достанется корабль не хуже, когда вы станете капитаном.

Рыцарь одобрительно опустил веки. Мариана знак заметила, спрятала улыбку за краешком кубка. И верно: хозяева остались довольны любезностью гостыи.

– Мне кажется, в империи корабли строят иначе, – едва опустив кубок, продолжил тему рыцарь. – Для шлюпа у «Крыла ветра» слишком высокие мачты, да и корпус... Я, признаться, не слишком-то разбираюсь в кораблях, но таких форм не припомню. Уверен, сьер Кариссиен, вам есть что рассказать об истории своего корабля.

– О да! – капитан проглотил наживку с искренним удовольствием. – Вы проницательны, сьер рыцарь. Это трофей; мы захватили его на севере, когда псы кнеза Хальва, да выбирать им в посмертии репы из хвоста Нечистого, попытались отбить груз с рудников его братца, как-там-его. Я тогда был первым помощником на «Сияющем орле» и вел в бой

абордажную команду. Да, веселые были денечки... Мы ходили тогда меж Господом и Нечистым, но мы жили... Нечистый меня задери, как мы жили! Нет, что ни говори, а дело мужчины – война. Разливайте еще, сэр Бартоломью. Там, на севере, и сейчас весело, а скоро будет еще веселее, и я, Нечистый меня задери, хочу туда вернуться! И Эньен... он там не был, но тоже хочет, верно, племянник?

А крепкое, видать, это диартальское, растерянно подумала Мариана. Эк капитана развезло. Не пришлось бы тащить рыцаря в каюту волоком... Однако Барти пьет осторожно и поддается вину не так быстро, как ханджары. И хорошо: еще не хватало возиться с пьяным спутником.

– Конечно, хочу, – запальчиво подтвердил Эньен. – Там я завоюю себе корабль. Такой же, как «Крыло ветра», да! И стану капитаном... А уж на двух таких замечательных кораблях мы добудем и славу, и богатство, верно, любезный дядя?

– И благословение Святой Церкви, – ввернул сэр Барти, – ведь там, на северных островах, сплошь язычники.

– Верно, – грохнул кубком по столу сэр Кариссиен. – Они нуждаются в Свете Господнем, и славны будут те, кто принесет его туда! Хотя дерутся безбожные псы отчаянно.

Мариана тайком перевела дух: беседа склонилась в самую безопасную для нее сторону. Видимо, офицеры императора не слишком отличаются от рыцарей короля: так же любят вспоминать былые подвиги и расписывать в красках грядущие деяния. Девушка ела жгучее мясо, запивала кислым соком и слушала краем уха: лишь бы не пропустить случайное обращение к ней. Но в разговоре о морских сражениях, абордажах, десантах и прочих прелестях истинно мужского времяпровождения ей, хвала Господу, места не нашлось.

2. Мариана, девица из благородной семьи

– Больше я туда не пойду! – Мариану передернуло: вспомнила навязчивое внимание капитанова племянника, его пристальные взгляды, «случайные» касания, пышные комплименты. – Свет Господень, что они о себе воображают?! А этот самый сэр, капитан, он же только вид делал, что его сдерживает, а сам... сам! Да как он вообще может подумать, что я... что он...

Девушка пнула упавшую с дивана подушку: слова закончились раньше, чем выплеснулась злость.

– Кто – он? – Хотя веселого в их положении было мало, Барти с трудом удержался от улыбки. Оказывается, иногда обычное ехидство изменяет Мариане, и она становится похожей на обиженную маленькую девочку, что возомнила себя взрослой. Смешно и трогательно.

– Оба! – отрезала девица. – Два, прости меня Господи, самовлюбленных гусака! Барти, сколько до Ингара?

Рыцарь озадаченно подергал ус.

– Дней десять, наверное. Как погода.

– Так, Барти... ты сможешь сказать, что меня укачивает? Что я лежу пластом и никого не могу видеть? Что меня выворачивает наизнанку, и их, псы их раздери, прекрасная госпожа умрет на месте от стыда, если они увидят столь отвратительное зрелище?

Себастиец все-таки не сдержал смех.

– И нечего ржать, как твой Храп, – проворчала Мариана.

– Скажу, – пообещал рыцарь. – Скажу, что ты не в силах оторвать голову от подушки, вся позеленела и грозишься в Ич-Тойвине уйти в монастырь, лишь бы не пришлось пересекать море еще раз.

– Тоже годится. Лишь бы до Ингара дотянуть. – Девушка заправила за ухо непослушную прядь, и Барти вдруг поймал себя на странной мысли: будто и этот ее жест, и ехидное фырканье, и улыбку – то робкую, то озорную – он знает всю свою жизнь.

– Я не дам тебя в обиду, – пообещал рыцарь.

Мариана кивнула:

– Я знаю, сэр Барти.

Вдруг так захотелось ткнуться носом в его плечо, замереть так... укрыться от всего плохого... Девушка почувствовала, как запылали щеки, и спрятала лицо в ладонях.

– Ну что ты, Мариана? – тихонько спросил Барти.

«Я – всего только свидетель, – вспомнилось вдруг девушке. – Глаза и уши, не более того». Смешно. Ну какой из тебя «просто свидетель», мой прекрасный сэр... Ты слишком добр для роли беспристрастного наблюдателя. И что б я без тебя делала? И... я кое-что обещала тебе.

Девушка подняла голову, прерывисто вздохнула. Мелькнула трусливая мыслишка: почему бы не оставить все, как есть? Он не спрашивает, он слишком деликатен для расспросов. Как чувствует, что ей не то что говорить – вспоминать больно...

Стыдно, Мариана. Ты обещала. Уж кто-кто, а сэр Бартоломью имеет право знать, почему так важно тебе выполнить поручение пресветлого. В конце концов, вы еще даже не в империи, а ты уже всю прячешься за его спиной! И разве тебе самой не хочется, чтобы он перестал считать тебя глупой девчонкой, возжелавшей славы и приключений?

Но разве жалость или презрение – лучше?

Мариана стиснула ладони. Не лучше, да. Но...

– Сэр Барти...

Рыцарь глядел на нее с сочувствием и тревогой. Молча глядел. Вот интересно, подумала вдруг Мариана, многие бы из его отряда удержались сейчас от слов, вроде «говорили тебе сидеть дома»?

– Сэр Барти, в Южной Миссии... я обещала вам рассказать, помните?...

– Мариана, если тебе трудно об этом говорить, ты вовсе не должна...

– Я обещала! Или вы считаете меня бесчестной, благородный сэр?

Барти чуть заметно качнул головой:

– Что ж, тогда рассказывай.

– Вы... – Девушка сглотнула. – Вы все сочли меня взбалмошной глупой девчонкой.

Понятно, стать членом Ордена – большая честь, парня-то не всякого возьмут, а тут девица пришла требовать... а потом еще и подвига искать понеслась, нет чтоб домой вернуться, раз уж отказали. Глупо, да. Я сама знаю, что глупо.

Барти слушал. Не торопился осуждать или оправдывать – ее или своих товарищей.

– Только мне возвращаться некуда было, – чуть слышно призналась Мариана.

И замолчала.

Барти ждал, но у девушки словно ком встал в горле. Слова не шли; она вдруг остро, до боли пожалела, что все-таки решилась рассказать. Ну и пусть бы душой считал, так ли это важно?!

Конечно, важно. Ведь сама ты знаешь... и скажи правду хотя бы себе! Признайся, что ты сама предпочла бы оказаться душой, чем...

Струсившей.

Предавшей родовую честь и память отца – из страха.

Рассказывай. Пора ему узнать правду. И если он отвернется от тебя, станет презирать – пусть это будет сейчас.

– Объясни, Мариана, – нарушил молчание Барти. – Как это – «некуда возвращаться»? Тебя что – выгнали из дома?

Девушка прижала ко рту ладонь; в глазах ее вскипели слезы.

– Но послушай...

– Нет! – Маленькие кулачки с неожиданной силой впечатались в гору подушек. – Я! Это я! Я отказалась от него!!!

И Мариана, рухнув на диван, зарыдала.

Барти растерянно смотрел, как тонкие пальцы комкают шелк покрывала, как трясутся плечи, как девичье тело бьет крупная дрожь. Ругнулся, кинулся к вещам. Выворотил сумку, схватил футляр с зельями. Отшвырнул. Вернулся и попросту сгреб Мариану в охапку. Вместе с покрывалом: пальцы девушки сжимали ткань так крепко, что отнимать стало бы напрасной тратой времени.

Прижал к себе: крепко и бережно, как ребенка. Зашептал что-то глупое, бессвязное: не то «тише, девочка», не то «всё будет хорошо». Осторожно сел на край дивана, прислонился спиной к переборке. Шлюп набрал ход, боковая волна покачивала его, словно колыбель. Подумалось мельком: если качка усилится, капитан вполне поверит в плохое самочувствие пассажирки. Да что же с тобой, Мариана? Так плачут, когда настоящее горе, но кто смог бы носить в себе такое – и не выдать ничем – весь наш путь, день за днем и ночь за ночью?... Или у тебя были причины зажать его в себе, скрутить, спрятать ото всех? Кто обидел тебя, девочка? Кто посмел?

Девушка наконец обмякла в его руках, рыдания стали тише; Барти осторожно опустил ее на диван, пристроил под голову подушку. Налил в серебряный кубок воды из умывальника, подсел к спутнице:

– Мариана... возьми, попей.

Зубы ее стучали о край кубка, добрая половина воды пролилась, но долгий, прерывистый вздох обрадовал рыцаря: теперь девочка успокоится.

– Еще?

– Не надо. – Мариана подняла на него глаза. Ресницы слиплись от слез, лицо бледное... – Простите, сэр Барти. Я...

– Тебе легче?

– Да, наверное...

– Вот и хорошо. Мариана, ты совсем не должна рассказывать...

– Не надо так говорить, сэр Барти. Я обещала. Вы не бойтесь, больше такого не будет. Свет Господень, да ясно, что не будет! У тебя на такое просто сил уже нет...

– Я виновата перед вами, сэр Бартоломью, – продолжала Мариана. – Из-за меня вы отправились в путешествие, опасное и совсем вам не нужное. Я хочу, чтобы вы знали правду.

Голос девушки звучал до странности спокойно, почти безжизненно. Барти взял ее ладони в свои, покачал головой – ледяные.

– Хорошо, Мариана, я тебя слушаю.

– Мой отец был рыцарем, – начала Мариана. – Дедушкино наследство отошло его старшему брату, а он надеялся выслужить себе лен оружием.

Барти кивнул: обычная история.

– Однажды отец оказал услугу монастырю Юлии и Юлия Беспорочных, что в Белых Холмах. Большую услугу. И монастырь в награду пожаловал ему земли... те самые холмы... Эта земля всегда считалась бросовой, но там рядом лес и река, так что прожить можно. Мы и жили... а потом отец умер, и опеку надо мной отдано было монастырю. Мне полгода до совершеннолетия не хватало...

– И что? – Насколько Барти знал, ничего такого уж необычного в опеке монастыря над несовершеннолетней девицей не было. Обычно в таких случаях в доме опекаемой поселились одна-две сестры: и присмотр, и помощь, и наставления. А там подыскивали девице подходящего мужа...

– И отец Томас, монастырский настоятель, стал меня уговаривать идти в монашки, – сердито буркнула Мариана.

– Тебя? В монашки?! – Воистину, это ни в какие ворота не лезло! Ясно, когда отдают в монастырь младших дочерей, бесприданниц... Можно понять, когда запирают отмаливать грех сблудившую девицу – хотя такое чаще все-таки оканчивается свадьбой. Бывает и так, что девушка сама вдруг слышит зов Господень. Но к Мариане-то все это явно не относится! Миловидная, бойкая, острая на язык, наследница какого-никакого, а лена, и к тому же твердых правил – вполне завидная невеста для небогатого и не слишком знатного рыцаря, в девицах бы не засиделась.

– Ну да. – Мариана отняла у рыцаря руки, вытерла лицо краем покрывала. Пригладила волосы – признаться, без особого толку. – Понимаешь, когда отец оформлял лен, эти угоды мало что стоили. Их отдали нашей семье в бессрочное пользование за обязательство поддерживать в порядке мост через Рюйцу и отчислять на святые нужды половину мостового сбора.

– Только-то? – Барти поймал себя на зависти к незнакомому рыцарю: такие удачи случались редко.

– А потом, – продолжила Мариана, – гномы нашли в наших холмах белую глину. И стали платить нам за разработку.

Барти присвистнул:

– Вот оно что! И тебе предложили переписать лен обратно на монастырь?

– Сначала пресветлый отец уговаривал меня добром. Примером сестер, наставлениями. К аббатисе все водил, она хорошая, аббатиса, добрая... А потом... – Мариана глядела

мимо рыцаря: посмотреть ему в глаза казалось выше ее сил. Все-таки девушка верила, что служение Господу превыше мирских благ. И боялась, что прав был отец Томас, так настойчиво склоняя одинокую сироту к пострижению, доказывая, что в мирской жизни ей трудно будет спастись, но легко погибнуть. И на Последнем Суде признают ее недостойной Света Господня, раз монастырской благодати предпочла суету подвигов и шляние по дорогам в мужской одежде. Страшно! Но тихая жизнь светлых сестер пугала Мариану куда сильнее. Они там грехи замаливают, а ей-то в чем каяться? Разве в том, что похоронит себя заживо, род отца не продолжив? Так ведь раскаянием детей не заведешь! Для детей муж нужен...

Мариана мотнула головой. Как устала она от этих мыслей! Каждый раз, вспоминая разговоры с отцом Томасом, девушка ощущала себя глупой, упрямой и кощунственно мирской, чуть ли не гулящей. Променять служение Господу на «грязный телесный блуд» – иначе о ее возможном замужестве ни светлый отец, ни мать аббатиса не отзывались; поставить род и кровного отца выше Отца Небесного... Но переломить себя Мариана не могла. Да, земная память об отце для нее важнее, она мечтает не Господа за него молить, а назвать сына его именем! А Господь... как знать, может, Он добрее отца Томаса? Да и не только ведь за монастырскими стенами можно Ему служить? Вот ведь сейчас – они едут в Ич-Тойвин по делам Господним, а монахи совсем для таких дел не годятся. И даже рыцари, пресветлый сказал, не годятся! А понадобилась – она, обычная девушка, что не отличается ничем таким уж особенным, не бросается в глаза и может сойти за паломницу.

Молчание затянулось. Девушка комкала покрывало; с каждым уходящим мгновением все страшней казалось поднять глаза.

– Что потом? – спросил Барти до странности чужим голосом.

– Он пригрозил мне Святым Судом, – чуть слышно призналась Мариана. Признаться, что произошло это вовсе не с бухты-баракты, а в конце очень даже злого спора, девушка не рискнула: именно тогда, в том споре, она сдуру ляпнула, что лучше в Орден попросится, чем в монастырь пойдет. Странно все же, подумалось вдруг ей, один святой отец за «неподобающее честной девице» желание что-то в жизни сделать вечные кары пообещал, другой сказал, что во спасение души зачтется... то же самое ведь, то же самое! – Он сказал, я Господа не люблю... а раз так, придется меня этому научить. Там же, в монастыре. Ради моего же блага...

– Что за бред! Да если так судить, всю Таргалу можно по монастырям упрятать.

– Может, и бред... а только все равно вышло бы по его. Он так хотел обратно нашу землю...

– Мариана, это незаконно! Ты же дочь рыцаря, ты могла обратиться к королю!

«Незаконно»... ну ты сказал, мой прекрасный сэр! Что для Святой Церкви людские законы? Она следит за исполнением законов Господних.

– Знаешь, как у нас говорят? До Господа высоко, до короля далеко, а Святой Суд всегда рядом. – Мариана вскинула голову. Если сэр Барти будет теперь презирать ее, что ж, так тому и быть. Заслужила. Но почему-то девушка верила: он – поймет... И надеялась, так надеялась, что простит! Да, она пошла наперекор Церкви; и, хуже того, сочла, что Церковь обошлась с нею несправедливо; ну так она и сама знает, как далеко ей до благодати и просветления. А рыцарь прав: ежели судить так, как отец Томас, то всю Таргалу надо по монастырям позапирать. – Пойми, Барти, я не хотела в монашки! Я жизнь люблю больше, чем Свет Господень! Да, мне жаль отцовский лен, но себя жалче. Я дурно поступила, да, Барти? Недостойно благородного человека уступать неправой силе без борьбы. Но, Барти, разве я справилась бы с этой силой?! Вот ты – пошел бы ты против Святого Суда?

– Что было дальше? – резко спросил себастиец.

Мариана сникла:

– Дальше... я откупилась. Я переписала лен на отца Томаса. Не на монастырь, а на отца Томаса, понимаешь? А он поклялся Светом Господним, что забудет о моем существовании.

– То есть он вышвырнул тебя из дома без всяких средств к жизни?!

– Он оставил мне мою свободу.

– Свободу? Без крыши над головой, без денег, без... – Рыцарь осекся, поймав себя на том, что почти кричит. Заставил себя глубоко вздохнуть. – Почему ты молчала, Мариана? Почему ты просилась в отряд вместо того, чтобы просто рассказать нам всё? Как глупо, Мариана...

– Я подписала дарственную. Как положено по закону, при свидетелях... Что толку теперь рассказывать? Хотя вам, хоть самому королю? Даже король ходит под Господом. Даже король не станет спорить со Святым Судом.

На это Барти возразить не сумел. А девушка, вновь опустив голову, призналась:

– Да и стыдно мне. Отец за этот лен чуть не погиб, а я... Он так радовался всегда, что у нас есть дом и земля... и он может оставить мне что-то большее, чем родовое имя... и получается, я его предала.

Она больше не плакала, но... лучше бы слезы, подумал рыцарь, чем такая вот спокойная уверенность. Чем такие слова – таким голосом. Много же требуешь ты с себя, благородная Мариана. Куда больше, чем иные рыцари.

– Мариана... а та твоя тетка, что в Южной Миссии? Старший брат отца, еще кто-то?

– Ну кто я им, Барти? Бедная родственница... таким опять же в монастырь самая дорога. Мне некогда было особо раздумывать... Наверное, я и правда выбрала самое глупое из всего, что можно было, но я надеялась, что отряд меня защитит. Рыцари ведь не сдают своих, это все знают.

Не сдают, эхом подумал Барти... но ты, Мариана, не стала бы там своей. Мужа тебе надо хорошего: чтоб любил, защищал и берег. Так, как ты того заслуживаешь...

– А теперь, – лицо девушки просветлело, как бывает, когда вспоминается что-то радостное, – если я выполню поручение пресветлого, это будет деяние во славу Церкви. И никто уже не посмеет запрятать меня в монастырь, раз я сама не хочу. Вот только что потом...

Мариана вновь поникла; рыцарь осторожно приобнял ее за плечи.

– Потом, Мариана, я засвидетельствую исполнение твоей клятвы. И от тебя уже не отмахнутся так просто. Поверь, не обязательно быть рыцарем отряда, чтобы получить защиту Ордена. Все будет хорошо, Мариана... просто замечательно все будет, поверь мне.

– Благодарю вас, мой добрый сэр.

Девушка робко улыбнулась. И хотя улыбка вышла жалкой, рыцаря она порадовала: значит, тяжелый разговор позади. Ох, Мариана, глупенькая ты моя... что ж ты так себя загнала, что ж ты из всех возможных путей выбрала самый сложный? И почему ты не рассказала раньше?! Чего проще было бы в Южной Миссии пересказать твою историю королю... Пусть он и не пошел бы против Святого Суда, но взять тебя под свою защиту мог. Нашел бы место при дворе, скоро он женится, юной королеве нужны будут фрейлины...

Ладно, что толку жалеть. Ты выбрала, и я тебе помогу. Клянусь.

3. Граф Готье Унгери, капитан службы безопасности Таргалы

Ханджарская знать всегда отличалась тягой к неумеренной роскоши, помпезности и показухе. Однако на взгляд таргальца молодой король в парадном гвардейском мундире выглядит куда торжественней, чем ханджарский посол, меняющий одежды перед каждой трапезой, а в посеребренных бронях королевских кирасиров намного больше вызова, чем в золотых галунах имперских сабельников. Богатство, хвастливо выставяемое напоказ, – или скромная готовность к бою.

Но самое поразительное, думал граф Унгери, самое невероятное и достойное восхищения – та грань, которой ухитряется держаться Луи. Почтительная вежливость – но не к посланцу императора, а всего лишь к равному по крови и старшему по возрасту. Молодой король Таргалы откровенно не замечал ни заносчивости императорского родича, ни его кичливой гордыни, – но, не замечая, не давая формального повода к обиде, умел ответить. Невнятный для далекого от политики человека язык жестов, взглядов, улыбок; язык холодной любезности, отметающей и откровенную снисходительность к бывшей заморской провинции, и завуалированные выпады, и откровенные провокации. Высокое искусство дипломатии.

Сам Готье старался рядом с Луи лишний раз не мелькать. Конечно, господин посол осведомлен, кого из окружения ценит молодой король и к кому охотней прислушивается; но одно дело знать, и совсем другое – наблюдать воочию. Хватит того, что старший Эймери постоянно при короле; пусть императорский родич в поисках влияния обхаживает первого министра, это может оказаться весьма занятым. А граф Унгери, оставаясь в тени, может спокойно заниматься делами тайными. Ханджары подождут; сейчас капитана таргальской службы безопасности куда больше занимали беглецы, подобранные Луи в Южной Миссии.

Не допустить встречи Анже и Сержа с отцом Ипполитом оказалось просто. Аббат если не вертелся рядом с королем и послом, то беседовал с ханджарскими светлыми отцами, коих ехало с посольством аж трое. Беглецы же держались королевской части обоза, где легко было затеряться среди слуг и сменившейся с дежурства стражи. Дальнейшую их судьбу граф Унгери определил для себя легко. Бывшему королевскому рыцарю – наблюдать за Филиппом. Упускать из виду нынешнего наследника короны никак нельзя: пусть сам он – тряпка тряпкой, тем больше соблазн посадить куклой на трон. Рядом с наследным герцогом то и дело мельтешат подозрительные типы, затевается непонятная, отдающая заговором возня. Правда, сам Филипп от интриг демонстративно отстраняется – из природной ли осторожности, трусости или недалекого ума, не суть важно. Но корону нахлобучить уж наверное не откажется, буде предложат и дорогу расчистят.

Капитан тайной службы не решил еще, сделать Сержа странствующим монахом, или безземельным рыцарем, ищущим покровителя, или простым наемником. Выбирать личину следовало вместе с Сержем, пока же Готье рассказывал ему все, что нужно бы знать соглядатаю тайной службы о королевском кузене. Его высочество почти безвылазно сидит в своей Дзельке, в столицу выбираться не любит, – более того, из столицы переманивает тех, кому не по душе равнодушный к роскоши и пренебрегающий увеселениями король. Двор Филиппа куда утонченней королевского, его высочество наследный герцог прикармливает менестрелей, еженедельно дает балы и славится как сочинитель недурных сонетов, умелый танцор и бойкий сердцеед. Герцогиня постельным похождениям мужа не препятствует, ибо сама занята тем же; законных детей у герцога пока нет, что, похоже, ничуть его не огорчает.

Отлавливать рядом с его высочеством шпионов и заговорщиков – одно удовольствие, усмехался граф. Слетаются на него, что мухи, больно уж приманка хороша. Серж кивал и заранее проникался неприязнью к будущему объекту слежки.

Анже тем временем изображал младшего королевского конюха – из тех, что обслуживали посольство. Граф Унгеры не сразу согласился допустить бывшего послушника в конюшни: дар даром, а ну как сдуру схлопочет копытом? Но Анже на удивление точно чувал, как можно обращаться с норовистыми жеребцами, а как нельзя. Нужные слова, интонации, движения приходили сами, будто знал их когда-то, да подзабыл за ненадобностью. Когда, обиходив злого графского южака, Анже признался, что дело с конями имеет второй раз в жизни, Готье только хмыкнул и рукой махнул: мол, конюхом так конюхом.

Возиться с лошадьми парню нравилось настолько, что самая грязная и тяжелая работа не казалась ему зазорной. Другие конюхи быстро оценили безотказность новичка, и через неделю все уже привыкли, что он уходит из конюшни последним, а то и ночевать остается вместо назначенного старшим дежурного. У бывшего послушника чутье на верное поведение, отмечал граф Унгеры. Ведь спроси, почему делает так, а не иначе, – не ответит. Он не задумывается, что сказать, как пойти и где остановиться, – он просто знает. Из парня толк выйдет; а что ему шпионские игры не нравятся, так это и к лучшему. Ради Таргалы и короля он себя переломит, а вот на других работать – побрезгует.

Весточки от короля передавал графу Унгеры верный Бони. Посол глядел снисходительно, рассуждал пространно: пора, мол, снять с глаз шоры старых обид и недоразумений, настало время не о том думать, что разделяет, а о том, что может соединить. Однако о сватовстве пока не заговаривал. Еще бы: отец Ипполит уж наверное о Радиславе доложил, и никак не может императорский родич не понимать, насколько безнадежно его посольство. На то похоже, что выбирает лучший из запасных вариантов, – знать бы только, каких. Филипп женат, сестру его императору просить смысла нет: по женской линии ни в Таргале, ни в империи право на корону не передается. Скорей, попытается расторгнуть помолвку с Радой. Но как?

А ведь есть способ разузнать. Забавно устроены люди, думал граф Унгеры: пока не было под рукой Анже с его даром, и в мысли не приходило жалеть. Работали себе, как любая разведка работает. А теперь так и зудит: раздобыть бы хоть одну вещичку из тех, что господин посол в руках вертел, обдумывая планы...

4. Анже, бывший послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене, ныне же – дозначик службы безопасности Таргалы

В своей не такой уж долгой жизни Анже знал разное счастье. Были времена, когда счастьем становились ужин и ночь под крышей, или несколько дней спокойной жизни, оплаченных его даром, или возможность о даре позабыть и стать – как все. Счастлив он был в монастыре, занимаясь дознанием о Смутных временах: никогда прежде возможность заглянуть в чужую жизнь не казалась ему привлекательной, и никогда он не думал, что раскапывать правду под слоем вековых выдумок – так невероятно, захватывающе интересно. То счастье обернулось разочарованием, но оно было, и Анже не хотел вычеркнуть его из своей жизни. Не всякое знание стоит затраченных усилий, но некоторое – стоит любой цены.

Да, разное счастье знал Анже, но такого, как сейчас, – не знал и не ждал. Работа шпиона уже не смущала: по большому счету, это не слишком отличалось от некоторых поручений, за которые брался он в худшие дни. Зато – было нужно. По-настоящему нужно: не какому-нибудь ревнивому барону или жадному до чужих секретов цеховому старшине, а самому королю, Таргале: молодой король нешуточно радел о благе своей страны и тем напоминал бывшему послушнику принца Карела. Луи стоил своего великого предка, и такому королю Анже рад был служить. Даже службой опасной и непочетной. Да и что ему почет, он ведь не из благородных. Ему достаточно чувствовать себя нужным. Достаточно, что их с Сержем безумный побег оказался не напрасным. Что король знает о заговоре и возможная война не застигнет Таргалу врасплох.

Но самое главное – и самое невероятное! – совсем не относилось к службе королю. Главным было чудо. Свет мира, что вернулся к нему; то, чего не поймет и не оценит зрячий. Гномьи чары, объяснил ему Серж: подаренный ради саламандры огонь в крови растопил лед случайно подхваченного заклятия слепоты. Снова видеть – нет, Анже не успел забыть, каково это; но уверенность, с какой может действовать зрячий – забыл. И вспоминать ее оказалось тоже – счастьем.

А еще счастьем были кони.

Тонконогие красавцы-ханджарцы, нервные южаки короля и его свиты, могучие вороные кирасиров. Одно только огорчало: безумно хотелось попробовать себя в седле. Снова испытать ослепительный восторг единения с нечеловеческой силой и быстротой, сродство с ветром, стрелой, птицей. Раствориться в дроби копыт наяву, а не в чужой, подсмотренной жизни. Но забота младшего конюха – чистить да кормить-поить, а не верхом красоваться. И Анже выбрасывал из головы неподобающее и думал о деле.

А дело предстояло нешуточное. Добраться до сбруи и седел ханджарских коней Анже мог легко: они развешивались на ночь рядом с денниками. Но что он скажет, если его застанут с чужой уздечкой в руках и с пустыми глазами? Поэтому попадаться было нельзя; потому же нельзя было надеяться на достаточно большое число попыток. И Анже выжидал. Приглядывался к послу и его свите, давал конюхам присмотреться к себе. Подолгу любовался вороным господина посла, исподволь приучая к себе злого жеребца. Вечно сонный Нико, конюх, которому досталось обихаживать посольского коня, охотно сваливал на других свою работу, и Анже пару раз уже подменял его. Граф Унгеры не торопил своего шпиона, но через неделю пути Анже понял, что готов рискнуть. Остаться в конюшне на ночь труда не составило: Нико, назначенный дежурить, углядел новичка и, по своему обыкновению, приставил его к делу, а сам смылся.

Анже дождался середины ночи, когда стихли даже брехливые сторожевые псы. Подошел к деннику. От короткого «Помоги Господь» вспомнился вдруг пресветлый, благословляющий на дознание. Далеко же протянулась цепочка: от святого Карела к праву на корону для его потомка, от давних козней империи к интригам сегодняшним. Верно говорят гномы, что людская память коротка и не учатся люди на собственном прошлом. Кольнуло сожаление: так и не записали с братом библиотекарем историю принца Карела. Беглый послушник отогнал монастырские воспоминания и скользнул в денник, где дремал вороной господина посла. Снял с крюка изукрашенную золотистыми топазами и черными опалами уздечку, прикрыл глаза. Кончики пальцев скользили по холодным самоцветам, по золотому шитью. Южная Миссия и путь с королем не нужны. Но дома, в империи, говорил ли ты о своей миссии? Хоть самую малость...

5. Благородный Иртаджд иль-Хаббани, посол сиятельного императора

Копыта коней отбивали неторопливую дробь по мостовой предрассветного Ич-Той-вина. Южные окраины уже просыпались, но дорога от императорского дворца к северным воротам была пустынна. Ни лишних глаз, ни тем более лишних ушей.

– И все-таки лучше решить дело миром, – благородный Гирандж иль-Маруни, ныне первый министр, а в недавнем прошлом – министр внешних отношений, снова вернулся к вчерашнему разговору.

Благородный Иртаджд поморщился. Напомнил:

– Империя не настолько слаба, чтобы бояться войны.

– Но и не настолько сильна, чтобы искать ее, – возразил министр. – Наш флот сражается на островах, и мы не сможем обрушить на Таргалу всю свою мощь.

– Возможно, вся мощь и не потребуется, – тихо заметил церковник, трусивший рядом с послом на сером мерине. – Капитул Таргалы поддержит того, чьи права на корону не запятнаны кровью, а верность церкви не вызывает сомнений. Если Луи Таргальский не склонится пред волей Светлейшего Капитула, он будет отлучен и предан анафеме, и собственный народ проклянет его.

– И встретит великого императора как освободителя, – кивнул посол. – Впрочем, сиятельный владыка тоже надеется на мирное решение. Пусть Луи станет мужем Элайи, а там...

Некоторое время посол и его спутники молчали; но вот господин иль-Маруни вновь заговорил:

– Поддержка Капитула Таргалы – это хорошо. Но все же я осмелюсь порекомендовать благородному Иртаджду одного своего старого друга. Если вам, господин иль-Хаббани, понадобится союзник в окружении короля – а я полагаю, он может понадобиться! – найдите возможность встретиться с графом Агри, министром внешних дел Таргалы. Передайте ему заверения в неизменном моем расположении – а также в том, что его письмо по-прежнему хранится в надежном месте.

– Какое письмо? – поинтересовался Иртаджд.

Министр усмехнулся, ответил туманно:

– Которое господин граф очень не хотел бы увидеть в руках короля Луи. Уверяю вас, благородный иль-Хаббани, этих слов хватит с лихвой.

– Я воспользуюсь вашей рекомендацией, благородный иль-Маруни, – в голосе императорского родича мелькнула нотка недовольства, но поклон был безукоризненно вежлив.

Кавалькада подъехала к городским воротам, и министр осадил коня.

– Благородный иль-Хаббани, да будет благополучным ваш путь и успешной миссия. Я буду ждать голубя, начиная со следующей луны.

– Благодарю. – Посол вежливо склонил голову. – Я сообщу: к свадьбе готовиться или к войне.

6. Луи, король Таргалы

– Значит, отлучить и предать анафеме? – Луи сжал кулаки. – Так они собираются помочь своему королю в войне? Хорошо же! Господом клянусь, я им эти планы припомню.

– Чего еще было ждать, – хмуро заметил Готье. – Не будь церковь неподсудна королю, мы бы живо их... А так – что сделаешь?

Король зло ухмыльнулся:

– Когда нечего терять, можно позволить себе многое. Если дойдет до войны, воевать я буду за счет церкви. Проклянут, так хоть за дело.

– А что с графом Агри? – спросил капитан тайной службы. – Прикажете вызвать с островов и допросить?

– Не надо, – поморщился король. – На островах он всяко не напортит, он там ничего не решает – так, прикрытия. А вот здесь придется искать ему замену, и это уже хуже. У тебя, случаем, никого на примете нет?

Граф Унгери молча махнул рукой. Все, чья верность не вызывала сомнений, давно были при делах, а менять гнилье на прель...

– Ладно, – вздохнул король, – будем думать.

В дверь стукнул Бони: сигнал, что постояльцы трактира начали просыпаться. Готье поднялся: незачем ханджарам знать, с кем король Таргалы совещается ночами.

– Парня побереги, – сказал Луи. – Не стоит ему подставляться по пустякам. Главное про посольство мы уже знаем.

СТЕПНАЯ ВОЛЧИЦА

1. Егорий, король Двенадцати Земель

Вкус Вахрамеева снадобья никак не уходил, жег едкой горечью под языком. Егорий ждал вестей. Мерил шагами кабинет, упорно не замечая укоризны в глазах магознатца. Нашел из-за чего тревожиться, старый пень: король, вишь ты, третью ночь не спит! Что в степи война, его не волнует!

– Шел бы ты, Вахрамей, отдыхать, – буркнул Егорий. – Маячишь тут перед глазами!

– Пойду, – отозвался упрямый старик. – Как только ваше величество изволит заснуть. Или хотя бы лечь.

Сейчас ему! Егорий своего лекаря знал достаточно, чтобы не сомневаться: стоит лечь, тут же напустит сонные чары.

– Будьте же благоразумны, ваше величество, – не унимался Вахрамей. – Судьба принца Валерия никоим образом не зависит от того, спите вы или нет. Весть о набеге пришла вовремя, войско отправлено, лучшего командира, чем князь Дмитрий, в степи и желать нельзя...

И лучших союзников, чем Волки – тоже, добавил про себя Егорий. Вахрамей прав, кругом прав. Но все равно ноет сердце, и кажется – заснешь, тут-то и придет весточка о сыне.

Егорий остановился у окна, вдохнул ночную свежесть. Попросил:

– Вели чаю подать. Заполоскать хоть зелье твое.

По-летнему яркие звезды напоминали степь. Только там, в степи, они кажутся еще ближе. Зачаровали сына степные звезды... степные звезды да степные песни, зеленоглазая степная волчица... жива ли еще? И где Лерка? Застрял в крепости, в степи затерялся или все-таки успел добраться до стойбища?

– Чай, ваше величество.

Вахрамей подал чашку, король отхлебнул... О том, что сонное зелье можно мешать не только с вином, он вспомнил только утром.

2. Валерий, наследный принц Двенадцати Земель

– Какие же здесь звезды близкие...

Лерка валялся на спине в густой траве, рядом фыркали кони, вдалеке тьякали мелкие степные лисички, и казалось, что пришедшая сюда война – не более чем сон.

– Руку протяни – достанешь, – засмеялась Саглара.

Из степи донесся переливчатый волчий вой. Лерка приподнялся, вслушиваясь. Спросил:

– Ваш?

– Фарги, – узнала воющего девушка. Младший сын вождя, вспомнил принц, убежал на разведку вчерашним утром. – Орда рядом, – переводила для жениха Саглара. – Много. Две сотни в голове идут, а дальше, наверное, с тысячу. И лучники по крыльям, тоже сотни две. Кони волков не боятся, плохо.

И плохо, вздохнул Валерий, что степняки не признают «ежей». Стальные колючки в траве, ранящие ноги коням – лучшая защита от наступающей конницы, а что подлая... На войне как на войне. Но предложить такое Волкам – потерять их уважение сразу и навсегда. Здесь будет честный бой – если, конечно, можно назвать бой честным, когда нападающих вчетверо больше. Зато место для драки Сова и Волки выбрали с умом: с трех сторон – крутые склоны холма, с четвертой – обрыв. Отступать некуда, зато стоять до последнего – самое то. Если, конечно, ордынцы все-таки полезут на них, а не обойдут обрывы и не двинутся дальше в поисках более легкой добычи. Сам Лерка не рискнул бы атаковать такую позицию конницей в лоб, как обычно делает Орда... Но если у нападающих хватит ума с недельку подержать засевших на холме в напряжении – да без воды, да под палящим солнцем, – а затем спешиться...

Валерий так и не сказал невесте, что наговор переноса для двоих у него с собой. И сам постарался забыть. Много отдал бы за спасение зеленоглазой степнячки, но дезертирством жизнь покупать – нет уж.

Саглара встала, потянулась:

– Пойдем. Сейчас вождь боевые чары плести будет.

Дымили на вершине холма два длинных костра, и цепочка воинов текла меж ними, свиваясь водоворотом с одного края и растекаясь ручейками с другого. Плыл над головами запах сгоревших трав и конского волоса, раскаленного железа. Вряд ли боевые чары степняков так уж хороши, думал принц, иначе давно бы их переняли для королевской армии. Но и Волки, и Сова верят в их мощь, а значит, им – поможет. Правда, у ордынцев тоже есть магознатцы и в их лагере готовят сейчас воинов к бою. Валерий и Саглара прошли между кострами рука об руку; жар и чад толкнулись в голову, пробежались огнем по жилам.

– Я рад, что успел, – сказал невесте Лерка. Саглара молча сжала его ладонь.

Вопреки ожиданию, утро началось не с атаки. Орда прислала парламентаря. Молодой воин осадил коня у подножия холма, сверкнули вплетенные в косы золотые солнечные амулеты. Крикнул:

– Кто будет говорить с посланцем великого Тенгира, сына Солнца?

Если не врет, подумал Лерка, если и впрямь за набегом стоит верховный вождь Орды – значит, та тьма конных воинов, что заполонила степь под холмом – лишь малая часть. То же самое творится сейчас у всех кочевий, живущих под рукой короля Двенадцати Земель. Цена неудачных переговоров, гордыни южных князей и, возможно, предательства.

Рядом возник Фарги, уже в человеческом облике. Тронул Лерку за плечо:

– Отец тебя зовет. С ними пойдешь.

К парламентарю спустились втроем. Взгляд ордынца скользнул по двум вождям, остановился на северянине – и метнулся к холму. Вот зачем позвал вождь на переговоры будущего родича: показать ордынцам, что за степняков будут драться солдаты Егория! Дельно.

Волк усмехнулся. Спросил:

– Что забыл ваш Тенгир на чужой земле?

– Великий вождь предлагает своим братьям водить людей под его рукой, – возгласил ордынец. – Северный король недостойн дружбы воинов Степи, он не дарит им подвигов и славы, не дарит богатой добычи. Он превратил воинов в пастухов!

– Это все? – буркнул вождь. – Всадники Тенгира проделали долгий путь лишь для того, чтобы предложить нам долю в их добыче?

– Назовитесь младшими вождями под рукой великого, и доля ваша будет завидна. Если же северный король превратил вас в трусов, то место ваше – у ног тех, кто не забыл вкус вражеской крови!

Принц Валерий с трудом удержал резкий ответ: он здесь младший, его дело в бою вперед лезть, а не в переговорах. А ордынец, глядя ему в лицо, добавил нагло:

– Если воины северного короля не захотят умирать бесславно, великий вождь примет и их службу. Те же, кто захвачен будет в бою, станут рабами в палатках наших женщин. Будут носить им воду и мыть бараньи кишки, а нерадивых станут подгонять плетью.

Лерка снова смолчал; два вождя переглянулись, и Волк ответил за всех:

– Твой вождь хочет слишком многого, и речи его слишком надменны. Пусть он докажет делом, что может приказывать свободным.

– Ты пожалеешь о своих словах, – выплюнул ордынец. Развернул коня, не дожидаясь ответа.

– Сопляк, – бросил вслед вождь.

Валерий едва успел вернуться к Сагларе и подхватить лук. На холм обрушились ордынские стрелы; одна из них бессильно клюнула траву рядом с девушкой, и степнячка презрительно рассмеялась:

– Они, верно, решили, что своих стрел у нас не хватит для доброго боя?

И впрямь, расстояние было слишком далеко не только для прицельной, но и для навесной стрельбы. Ладно бы еще сверху вниз! Лерка подобрал стрелу, усмехнулся:

– Вернем.

Ответный залп вышел куда более удачным. Вряд ли он выбил так уж много ордынцев, но отойти заставил.

Лерка достал «близкий глаз». Нашел давешнего переговорщика: похоже, молодой предводитель доказывал что-то своим сотникам, а те не соглашались. Принц огляделся:

– Лара, где вождь? Там что-то такое делается, надо бы ему глянуть.

– Дай мне.

Саглара перехватила амулет, взгляделась. Вскочила:

– Ты прав, идем! – Объяснила на бегу: – Решают, что делать. Одни честного боя хотят, другие, умные, понимают, что нас здесь честно не взять...

Вождь, поглядев, с девушкой согласился. Объяснил принцу:

– Им на нас верхами идти – смерть верная, отобьемся. Коней бросить, так драться – позор. Обложить и ждать, пока сами сдадимся, как у вас на севере водится – того хуже. Остается хитростью брать. Только слышал я, что Тенгир хитрецов не жалует. – Волк оскалился в злой усмешке. – Оставишь мне пока эту штуку, северянин?

– Конечно. – Лерка, прикрыв глаза ладонью, взглядывался в гущу врагов. – Что это они там, дерутся?!

– Видно, кто-то отступить предложил, – кивнул вождь. – Одним умным трусом меньше.

А умный трус, вспомнил Валерий степное присловье, опасней десятка честных храбрцев.

Впрочем, остальные тоже вряд ли были честными храбрцами: покружив вокруг холмов, ордынский отряд оттянулся за пределы видимости.

– Думают: мы решим, что они ушли, – выплюнул вождь. С помощью Леркиного амулета можно было разглядеть сторожащих вдали всадников.

Степняки остались на холме, только скот и коней отогнали на ручей. Ночью разведчики Волков кружили в окрестностях, охраняли лагерь от внезапного нападения; переливчатый вой то и дело вырывал Валерия из тревожного, неглубокого сна.

Следующие четыре дня изменений не принесли. Странная осада выматывала людей, но оба вождя держали своих крепко. Тенгирову прихвостню первому надоест ждать, говорили они. Сопляк побоится уйти с позором, с пустыми руками. Тенгир глуп, что ставит таких командовать.

Так и вышло. Утром пятого дня к подножию холма примчался всадник, и за его спиной маячили Тенгировы сотни. Ордынец горячил коня, кричал громко, чтобы слышали свои и чужие:

– Дерись или сдавайся! Ты засел там, как суслик в норе, ты трус, не мужчина!

– Моя земля, – разнесся над степью зычный ответ, – где хочу, там сижу. Тебе надо – ты дерись. Боишься?

Еще лет сто-двести назад, подумал вдруг Лерка, Волкам и в голову бы не пришло отказаться от конной сшибки, как бы ни были неравны силы. И понимание, что полягут все, их бы не остановило. Соседство ли пограничных крепостей изменило взгляды степняков на войну, помощь ли северян – но такая вот глухая оборона ордынцам явно непривычна. Неужели решатся атаковать?!

Решились.

Недолгий обстрел, как и в прошлый раз, не нанес вреда. Похоже, ордынцы хотели всего лишь заставить врага вжаться в землю: уже через несколько минут к холму покатила черная волна сабельников. Строя не держат, криво усмехнулся Лерка, на глотку брать привыкли. Защелкали тетивы обороняющихся; первые выстрелы, слишком слабые, чтобы пробить ватные куртки ордынцев, степняки метили по лошадям, и вал наступающих вспенился бьющимися конями и раздавленными всадниками. В ровной степи это не слишком задержало бы атаку, но крутой склон не давал разогнаться, а каждый упавший конь ой как мешал тем, кто сзади. Лерка вскочил: настало время бить прицельно, и он посылал стрелу за стрелой в шею коням, в лица всадникам; руки делали привычную работу, время остановилось, в мире остались только хлопки тетивы о грубую кожу перчатки, дикий визг коней, крики умирающих и чей-то смех вперемешку с руганью. И только одна мысль: если они сейчас отступят – мы победили.

Они не отступили. Потеряв едва не половину, ордынцы достигли вершины холма и схлестнулись со степняками лицо в лицо. Засвистели кривые сабли, наконец-то увидев цель. Лерка бросил бесполезный теперь лук и потянул из ножен палаш. Заметил рядом Владко. Белопolec поймал взгляд своего принца, кивнул: порядок, мол. У его ног скалила клыки молодая волчица. Саглара осталась в человеческом обличье; в руке девушка сжимала легкую саблю. Они стояли второй линией, за принявшими первый натиск всадниками. Но от линий очень быстро остались только рваные клочья.

– За спиной держись, – успел сказать невесте Лерка, и началась рубка.

В бою думать некогда: думают руки, думает тело, в голове же пусто и звонко. Ты кричишь или враг, твоя или вражеская кровь брызжет в лицо и впитывается в куртку, твой или вражеский клинок взвизгивает, силясь сдержать удар? Какая разница! Куча, свалка, беспорядочная толпа – и *вот это* называется звонким словом «бой»?! Солнечные амулеты в косах –

чужой, совиные перья или серебряные бляшки с оскаленной волчьей мордой – свой. Чужих бить, своих прикрывать. Намертво заученные красивые приемы – не к месту. Машешь тяжелым клинком как придется, грубо, грязно – зацепить врага, и ладно. Крики, ржание, рычание, лягз, визг – грохотом прибоя на скалах, но сквозь прибой слышно, как бормочет ругательства Владко, как тяжело дышит Саглара... как смеется в лицо ордынец... как плачет растоптанный копытами волчонок... а солнце жарит и жарит, хотя давно, кажется, пора быть вечеру. Или так всегда бывает, что время стоит на месте, пока все не закончится? Лерка не знал: в его жизни это был первый настоящий, всерьез, бой.

3. Дмитрий, князь Белопольский

Волна наступающей Орды обтекла крепость и покатила в степь, и было это хорошо и плохо одновременно. Хорошо – потому что белопольский полк беспрепятственно возник под стенами крепости, где ждала своего часа приемная половинка наговора переноса для королевских войск. Плохо – потому что у короля со степняками договор, и, раз ордынцы пренебрегли защищенной крепостными стенами добычей, придется выводить войско в степь. Рисковать ударом в спину...

Медлить белопольский князь не стал. Ни часа лишнего не дал отдохнуть воинам: ведь где-то там, в степи, принц Валерий, а Орда пошла напрямик к стойбищам Волков. Еще посмотрим, кто кому спину подставит, бормотал Дмитрий. Благо, след ордынские сотни оставили прямой и четкий – к Ласточкиным Обрывам. Именно туда, по разумению князя, должны были уйти Волки – если успели получить весть о набеге. Там, значит, и встретимся, подумал князь.

На пятый день, к полудню, белопольцы услышали звуки сражения. Полк перестроился к бою. Слаженно опустились копья, и мощные кони, привычные подолгу нести всадников в тяжелой броне, покатались лавой на ордынские сотни. Развернуться к новому врагу те успели – но и только. Стрелы оказались бессильны перед доспехами людей и толстыми попонами коней, сабли – перед копьями. Князь Дмитрий привстал на стременах, рявкнул:

– Бей вражину!

Княжеский кончар пригвоздил к земле недобитого лучника и взметнулся, указывая войску на холм. Грузный Дмитрий орудовал тяжелым клинком играючи, на зависть «хлюпикам», коим по руке «всего лишь» кавалерийские палаши.

В мешанине схватки, кипящей на холме, в ход пошли клинки, звездачи и палицы. Белопольцы убивали спокойно и неторопливо, без азарта, разбирая дерущихся на своих и чужих, как крестьяне перебирают перед севом зерно: наметанный взгляд заметит мельчайшие различия, и руки сами сделают правильно. Тяжелые белопольские кони сшибали мелкорослых ордынских, сверкала под полуденным солнцем хищная сталь, и рвался из луженых глоток боевой клич, заглушая хрипы умирающих.

Пленных не брали.

Убитых среди степняков оказалось не так уж много: похоже, ордынцы предпочитали скальпам рабов. Однако на достойное, по обычаю, погребение у живых сил не осталось. Заботу о мертвых оставили на завтра. Ранеными занялся полковой магознатец: единственная уцелевшая травница не справлялась, хотя на подхвате у нее суетилось несколько девчонок. Трупы врагов сбрасывали с обрыва; там, внизу, уже собирались падальщики.

Валерия белопольский князь нашел не сразу. По-хорошему, племянничку не мешало бы самому поинтересоваться, кто пришел на помощь; но глухое раздражение оставило Дмитрия, едва он увидел Лерку. Принц, с ног до головы забрызганный кровью, лениво, едва шевелясь, стаскивал доспех. Рядом, запрокинув голову, жадно пил из кожаного бурдюка мальчишка-пограничник. Хорошо, хмыкнул князь, женишки оба живы. Теперь бы узнать, что с невестами...

– Дядько! – вскрикнул Валерий, увидев рядом князя. Тот, не выдержав, облапил племянника, рыкнул:

– От же ж зараза ты, Лерка! Из одной заварушки да в другую, псы тебя дери! Цел хоть?

– Вроде, – выдохнул принц. Откинул со лба липкие от пота и крови волосы. На руке багровел синяк.

– Перчатку смени, – проворчал князь.

– Да все менять придется, – Лерка пнул сброшенный на землю доспех. – И лук растоптали, в щепки. Если б завтра снова в бой – толку с меня...

– А ты думал – игрушки? – Дмитрий протянул племяннику флягу с вином. – Глотни. Да спасибо скажи, что голова не в щепки.

Лерка ощупал голову, поморщился:

– Могли. Ладно, жив – и хорошо. Пойдем, дядько, с невестой моей познакомлю.

Хвала Господу, усмехнулся в усы князь Дмитрий, не напрасно парень головой рисковал. Ох и погуляем на свадьбе! Теперь бы только наладить его с девчонкой вместе к Егорию – и отцу спокойнее будет, и детворе безопаснее.

– Только домой нас отправлять не мылся. – Валерий, негодник, словно мысли прочитал. – Разберемся с Ордой, тогда уж. Волки мне родня теперь, я их бросать не должен.

4. Валерий, наследный принц Двенадцати Земель, и Саглара из семьи Пепельных Волков, его невеста

Наследник престола неторопливо ехал по Славышти, и вдоль домов росла толпа зевак. Столица глазела не на принца – эка невидаль, принц! – а на девушку, что ехала с ним стремя в стремя. Праздничная одежда знатной степнячки, волчьи амулеты в косах, боевой нож на поясе – и это их будущая королева? Ну, Свет Господень, дожили!

Валерий посмеивался, прекрасно зная, о чем думает столичный люд. Ничего, привыкнут. В княгинях степнячки уже ходили – редко, но бывало. Будет и королева, а кому не нравится – пусть держат при себе.

– Странно здесь, – тихо сказала Саглара. – Тревожно.

– Не бойся, – улыбнулся Лерка. – Степнякам в городе всегда поначалу так. Привыкнешь.

По обычаю Степи они уже были муж и жена, но королевой не стать так просто. Славышть готовилась сразу к двум свадьбам, пока же Валерий показывал Сагларе столицу, а столице – ее. А соглядатаи из тайной службы пасли недовольных выбором наследника князей – и уж кто-кто, а Лерка понимал: не зря его невесте тревожно. Волчий нюх чует опасность.

Но здесь, в городе – его городе! – защищать волчицу должен он, Лерка.

Впервые в жизни принц всерьез озаботился вопросами собственной безопасности. Амулеты от стрел и от наведенных чар – себе и Сагларе; два десятка молодцов в отдаленном охранении – чтоб им не мешали, а возможных заговорщиков если не выловили, так хоть спугнули. Поездки с тайной службой согласовывать и даже – видали вы такое?! – соглашаться на изменение маршрута ради удобства охраны! Ночью из дворца не выходить! Окна в комнатах ставнями закрывать!

Лерка скрипел зубами, выслушивая иные приказы. Но подчинялся: Саглара дороже.

Что приказы эти – не пустая болтовня, он убедился уже на третий день. В храм ездили; строго говоря, Саглара одна должна была бы, как подобает невесте, но степнячка блюла городские установления лишь постольку, поскольку требовал жених, а Лерка всем дурацким обычаям предпочитал общество своей зеленоглазой. И вроде бы вполне благополучно прошла поездка – но, едва вернулись, Валерию предъявили трупы.

Два лучника и один, судя по всему, магознатец. Снять охранительные чары – и расстрелять обоих: и принца, и чужачку-невесту. Ловко.

– На крыше против храма ждали, – объяснил капитан тайной службы. – У всех заклятие на поимку стояло, смертное, и наговор переноса с собой. С наговорами Вахрамеем разбирается, но сказал, надежды мало: под этих, – капитан недобро зыркнул на трупы, – четко подогнаны.

Хорошо подготовились, зло подумал Валерий. И что толку обзывать отцовых дознавателей олухами? Они делают, что могут, но как пройти по следу не просто запутанному или оборванному, но спрятанному умело и расчетливо, с полным знанием всех тех методов, которыми искать будут?

Оставалось беречься, внешне изображая обычную беспечность. Разъезжать по городу приманкой, строить из себя бестолковую жертву и думать: неужели еще пару месяцев назад я в самом деле таким и был?! Ну не дурень?...

О ПОСЛАХ И ПОСЛАНЦАХ

1. Луи, король Таргалы

Вернее всего происходящее в большой тронной зале описывалось двумя простыми словами. Соблюсти приличия. Да, именно так, кивнул нечаянной мысли Готье. Приличия. Посол знает, что сватовство не будет принято. Луи знает, что вслед за окончательным отказом последует если не объявление войны, то хотя бы угроза. Но оба изысканно вежливы, неторопливо обстоятельны и церемонны. Высокое искусство дипломатии: улыбаться, втайне нашаривая кинжал, желать приятной трапезы, поднося бокал с ядом. Но кто предупрежден – тот вооружен. Ханджарских почтовых голубей ждут ловчие соколы, а ханджарское посольство – лучшие камеры королевской тюрьмы. Тихие, спокойные, непроницаемые для чар и заклятий. Вряд ли из двоюродного дядюшки старшей жены императора выйдет стоящий заложник: чем больше у властителей родни, тем меньше цена каждому из родичей. Но в войну применение пленным найти легко. Вздернуть на площади перед дворцом – и то народу развлечение.

А к войне шло. Посол сквозь зубы цедил хвалу таргальскому гостеприимству, пряча за лживой улыбкой оскал. В глазах Луи стыла ненависть, отгесняя привычное холодное спокойствие. Письмо посла, снятое с пойманного голубя, ненависти весьма способствовало, ибо о войне говорило как о деле решенном и к тому же обещало императору поддержку церковников полуострова.

Знай Готье, в какое бешенство приведет это письмо обычно спокойного и трезвомыслящего короля, – предпочел бы не показывать. Луи, еще после рассказа Анже изрядно обозленный на Капитул Таргалы, совсем потерял голову. Капитан тайной службы терпеливо выслушал все, что имел король сказать о своем аббате, которому бы, с таким двоедушием, копыта Нечистому вылизывать, а не Господу службы служить; об императоре и его родиче, не гнушающихся помощью лживых сукиных детей; наконец, о неизбежной войне, которая, конечно, не ко времени, но будь он проклят, если не покажет всем, что на Таргалу лезть – себе дороже; но когда, излив душу, Луи приказал своему капитану сегодня же ханджарских шакалов рассовать по камерам королевской тюрьмы, а отца Ипполита предоставить палачу до получения исчерпывающих признаний, Готье не выдержал.

– Ваше величество, – демонстративно тихо заявил он, – вы изволили погорячиться. Я умоляю вас смирить гнев и рассудить с присущим вам здравым смыслом...

– Граф Унгери, – прорычал король, – это ВЫ изволили струсить, а не я – погорячиться. И продолжаете изволять. Прах меня забори, да об нас вытирают ноги! Собственные, Нечистый бы их побрал, церковники! Такие же таргальцы, как ты и я!

– Не такие же. Они люди Господни, над ними нет земных властителей.

– Как же, нет! Императору продались с потрохами! А теперь нас продают ему же! Готье, ты слышал приказ. Я хочу, чтобы признания королевского аббата читали на всех площадях и обсуждали во всех трактирах королевства. – Лицо Луи исказила злая гримаса. – Свет Господень, и эти люди обвиняют меня в неверности!

– Луи, ты не можешь поднять руку на церковника. Как бы ни был ты прав – не можешь! Твой собственный народ сочтет тебя достойным анафемы, неужели так трудно это понять?!

Молодой король рухнул в кресло, спрятал лицо в ладони. Выдохнул:

– Ненавижу.

– Ты не должен давать повода, – мягко, как ребенку, объяснил Готье. – Да, рано или поздно они попытаются тебя отлучить, но с какой радости тебе самому подставляться под удар? Не облегчай им задачу.

Луи молчал долго. Наконец кивнул:

– Ладно. Тогда займись ханджарами.

Готье едва сдержал стон. Ну вроде бы успокоил, так нет, снова!

– Чем тебе не угодили ханджары?

– Ты серьезно? Готье, это ведь не переговоры, это чистой воды издевательство! Или я расторгаю помолвку с Радой, или получаю войну!

– Ты знал, что так может быть.

– Но не настолько же нагло! Они диктуют мне условия, словно я какой-нибудь дикий князек с северных островов, а не король Таргалы!

– Луи, опомнись! Это не они тебе условия диктуют, а император! Посол неприкосновенен! Ты король, а не дикий князек, так поступай же, как король!

– Граф Унгери, – глаза Луи стали дикими, в голосе звякнул металл. – Вы слышали приказ. Всех, от посла до последнего охранника, по одиночным камерам. Тайно. Вреда не причинять, но...

– Ваше величество, вы совершаете ошибку.

– Извольте подчиняться, граф! Приказываю тут я!

– Мой король, я должен вас защищать. В том числе от ваших же ошибок. Вы вольны меня самого бросить в тюрьму, но этот приказ я не выполняю.

– Готье, – Луи встал, – а если я тебя попрошу?

– Ты льешь воду на их мельницу. Объясни мне, зачем тебе это надо? Ты хочешь дать повод к войне? Настоящий повод, законный с точки зрения любого государя, даже твоего будущего тестя? Хочешь запятнать свое доброе имя нападением на посла? Хочешь нарушить коронационную клятву?

– Вот этого не надо! – взвился король. – Я клялся не ввязываться в войны, да, но этой войны нам все равно не избежать! Так почему мне не начать ее так, как удобно мне? Будь я проклят, Готье, мне надоело стелиться под ханджарского шакала, я не могу больше улыбаться ему, как лучшему другу, не могу! Да, я дам империи повод к войне, ну и что?! Можно подумать, что без этого повода войны не будет! А доброе имя – ты разве не помнишь, Готье, что они говорят обо мне и о моем предке? Я защищаю доброе имя! Пусть не свое – но святого Карела!

Готье молча глядел на своего короля. За последний год капитан таргальской службы безопасности успел забыть, насколько Луи молод – и, как положено молодым, горяч. Несомненный талант к правлению заставлял ждать от короля поступков исключительно мудрых и взвешенных. Ну что ж, так и было. Долго. Но теперь задета честь, и даже такому толковому государю, как Луи, позволительно, пожалуй, сорваться.

– Хорошо, я сделаю, как ты хочешь. Но не сегодня и даже не завтра. Мне надо подумать, как обставить такое событие и как его объяснить.

– И большего я от тебя не добьюсь, так? – Луи скрипнул зубами. – Ладно. Два-три дня я потерплю.

Терпение короля проявлялось, на взгляд Готье, довольно-таки своеобразно. В приморские гарнизоны стягивалось подкрепление. На верфях спешно достраивались боевые корабли, в портах и рыбацких деревушках коронные вербовщики набирали матросов. И в том, что на рынках Корварены все еще не вздорожали зерно, хлеб и рыба, была прямая заслуга людей графа Унгери. Как-никак, неделя переговоров – вполне достаточно, чтобы перспективы стали ясны не только политикам, но и ушлomu столичному люду.

– Сегодня, – выпалил Бони, поймав капитана тайной службы на выходе из тронной залы. Как всегда, после очередного тура переговоров вся толпа валила пировать, а пиры с ханджарами за эту неделю встали графу Унгери поперек горла.

– Да, – кивнул Готье. – Передай его величеству, что у меня все готово.

Через час с небольшим всю сотню ханджарских сабельников накрыл необъяснимо крепкий сон. Ребята из королевской гвардии разоружали посольскую охрану, с шуточками грузили в закрытые кареты – а выгружали их уже тюремщики, растаскивая по одиночным камерам. Что же касается посла и его свиты – включая трех святых отцов, – то они совершенно неподобающе упились, и королевский капитан вынужден был выделить благородным гостям сопровождающих – довести до отведенных им покоев. А что покои вдруг сменили расположение – так, извините, пить меньше надо, как выражаются городские стражники, сопровождая к судье трактирных дебоширов. Точку в переговорах король Луи и капитан его тайной службы поставили вполне уверенно.

2. Ич-Тойвин, святой город

Медленнее каравана паломников разве что идущий через горы обоз с фарфором, в который раз подумала Мариана. Две недели пути из Ингара вымотали девушку до злобного изнеможения. Жара, пыль, гомон, да еще Барти не выпускает из середины каравана, трясется над ней, как наседка над последним яйцом.

Хвала Господу, сегодня дойдем, вздохнула девушка, тщетно пытаясь смахнуть с лица крахмально-тонкую белесую пыль. Святой город вставал над пустынной степью зеленой пеной вожделенного райского сада. Конец тесным и шумным ночевкам в круге костров, тревожному ожиданию налета разбойников или песчаной бури, реву львов и хохоту гиен во тьме. По сторонам тракта стали попадаться отары овец, табунки коней; истомленные тяжелой дорогой, паломники приободрились, кто-то замурлыкал совсем даже не богоугодную песенку, кто-то подхватил во весь голос: «Красотка Катрина к колодцу идет, в саду у Катрины крыжовник растет... к Катрине в крыжовник крадется любовник...»

Мариана покраснела: то, о чем повествовала песенка дальше, предназначалось отнюдь не для ушей скромной девушки. Хотя, по чести говоря, отец ее, захмелев, еще и не такое певал...

Солнце перевалило за полдень, когда вдоль тракта начали появляться глинобитные домишки, харчевенки и постоянные дворы, а в отдалении, за высокими заборами, окруженные садами дворцы – с высокими белыми башнями, лошадками-флюгерами на шпилях и неперменной полусонной стражей у ворот. А еще часа через два караван дополз до городской заставы.

С паломников здесь пошлин не брали. Считается, что за них платит церковь, объяснил девушке рыцарь, но на деле и городская казна, и церковная легко добирают упущенное: первая – налогами с торговцев, трактирщиков и содержателей гостиниц, вторая – пожертвованиями. Ич-Тойвин живет паломниками, вельможами и солдатами: здесь, в бывшей столице, зимняя резиденция императора, дворцы его родичей и приближенных, казармы стражи и гвардии.

Девушка – откуда силы взялись! – без усталости вертела головой, ахала и охала. И то: в Корварене дома не отделяют изразцами и мозаикой, не разоряются на ступени из цветного мрамора и прозрачное стекло в окнах. И улицы здесь чистые, широкие – без труда разъедутся две окруженные всадниками кареты. А вывески не из дерева вырезают, а чеканят на меди, и по-летнему жаркое солнце пылает в них, разбрасывая вокруг рыжие блики.

Да, думал Барти, когда я попал сюда впервые, тоже глазел вокруг, как мальчишка. А сейчас только и осталось, что раздражение. Слишком шумно здесь. Толпятся вдоль домов лоточники, зазывают покупателей. Вьюнами снуют в толпе мальчишки-водоносы, гостиничные зазывалы и подозрительного вида босяки. Грузовыми баржами дрейфуют служанки с огромными корзинами. Рассекают людские волны патрули императорских сабельников – все на вороных конях, в обшитых золотым галуном багряных куртках и синих шароварах, празднично-нарядные под стать городу.

В гостинице задерживаться не стали. Умылись, наскоро пообедали, переоделись в чистое. Девушка удивленно приподняла брови, увидев на Барти поверх походной одежды рыцарский плащ. Спросила:

– Зачем? Сам же говорил, таргальцев здесь не любят!

– Не любят, – кивнул Барти. – Но даже на прием к секретарю пробиться трудно, а нам нужен брат провозвестник. Правая рука главы Капитула, не шутка! Так на нас скорее обратят внимание. Да и не к лицу мне скрывать, кому служу.

Рыцарь гордо вскинул подбородок. Мариана расправила плечи: прав ее спутник, не к лицу им маскироваться под смиренных паломников. Они не грехи замаливают, они здесь с поручением во славу Церкви.

На них и впрямь косились, но дальше неприязненных взглядов не шло. Мощный рыцарский конь взрезал толпу, как фрегат волны; красавица-кобыла, выбранная за сходство с Пенкой, переступала тонкими ногами, как вязь плела; дорога неторопливо взбиралась на холм, палило солнце, шелестел ветер в листве незнакомых, похожих на колонны деревьев, и казалось, что здесь, на святой земле Ич-Тойвина, и впрямь сходятся все земные пути.

Бастион Капитула венчал холм слепящей глаза беломраморной короной: обруч высокой стены, зубцы башен и шпилей. Паломники нитью втягивались в игольное ушко калитки; дорога для верховых сворачивала к воротам.

Странная робость охватила Мариану, когда они с Барти спешили у этих ворот – из окованного железом дуба, плотно пригнанных к стене: не то что нож, иголка в щель не пролезет. Сердце девушки заколотилось; здесь, в шаге от цели, та надежда, что вела ее и поддерживала, вдруг показалась донельзя глупой. Но Барти уже стучал в привратническую, настойчиво и уверенно. Мариана нащупала письмо, сглотнула. Отворилось окошко, невидимый во тьме караулки страж хрипло окликнул:

– Кто такие, чего надо?

– Курьеры из Корварены, – отозвался сэр Бартоломью. – С письмом к брату провозвестнику.

– Ого, – буркнул привратник. Отворил калитку – ровно настолько, чтобы пропустить человека с конем в поводу. Поторопил: – Живо.

Лица его Мариана так и не разглядела.

Копыта коней зацокали по булыжнику, отскакивая эхом от стен и свода. С улицы полумрак здесь казался непроглядной тьмой. Не всякая крепость, думала Мариана, может похвастать такими воротами, и бойниц в эту кишку наверняка смотрит столько, что до выхода во двор не пробиться даже самой яростной атакой. Хотя кому взбретет в голову штурмовать Капитул?

Их ждали: похоже, у привратника был способ сообщать о визитерах.

– Это вы из Корварены? – уточнил вышедший навстречу дюжий монах. Из-под тяжелых бровей буравили посетителей маленькие пороссячи глазки.

– Мы, – коротко подтвердил рыцарь.

– От кого письмо?

– Аббата монастыря Софии Предстоящей.

– Покажите.

– Пресветлый сказал: лично в руки, – подала голос Мариана.

– Я не сказал «отдайте», – в деловитом голосе прорезалась нотка брезгливости. – Я сказал «покажите».

– Покажи, – напряженно уронил Барти.

Мариана достала письмо. Монах бросил короткий взгляд на печать, кивнул.

– Ступайте за мной. Коней оставьте, о них позаботятся.

Узкие коридоры явно не относились к парадной части дворца; странно, подумал Барти после пятого или шестого поворота, с чего бы простым курьерам показывать изнанку... Рыцарь покосился на Мариану: девушка поймала его взгляд, уголки губ нерешительно дрогнули.

Провожатый оставил их в пустой комнатухе, похожей на тамбур. Велел:

– Ждите.

Долго скучать не пришлось. Всего через несколько минут отворилась незамеченная ими дверь, и монашек с перепачканными чернилами пальцами вымолвил:

– Входите, брат провозвестник примет вас.

Барти, уже настроившийся на долгие объяснения с секретарем, выпрашивание аудиенции и в лучшем случае два-три дня ожидания, едва не присвистнул. Немыслимо! Разве что...

Разве что пресветлый по уши в заговоре, кивнул сам себе рыцарь, а брат провозвестник – его руководитель. А почему нет? Отец председатель крупнейшего монастыря Таргалы – не последнее лицо в ее церковной иерархии и вполне может быть в курсе тайных планов.

Но тогда письмо...

Однако письмо уже ушло от них, и не Мариану в том винить. Он, а не девушка, слушал рассказ Сержа о заговоре! Он мог бы вспомнить видение Анже – видение, в котором этот самый брат провозвестник, что читает сейчас привезенное из Корварены письмо, предрекал Таргале проигрыш в войне! Острый взгляд бежит по строчкам, губы зло сжимаются; что за весть привезли мы ему?

– Я благодарю вас, чада мои, – голос священника приторно-благостен. – Вы оказали Церкви услугу из тех, что засчитываются во спасение души.

– Служить Господу – великое счастье, – чуть слышно ответила Мариана.

Уверенности в ее голосе Барти не уловил. А вот страх – глубоко загнанный, наверняка не видный самой девушке – навряд ли ему примерещился. Спасение души – дело хорошее, но до Света Господнего надо еще достойно прожить отпущенные земные годы. А с этим, похоже, Святая Церковь благородной Мариане не помощница...

Сэр Бартоломью склонился под благословение молча. По чести говоря, давненько славный рыцарь не ощущал себя таким дураком.

– Скажите, чада мои, окончены ли дела ваши по эту сторону моря?

– Да, отец, – коротко ответил рыцарь. – Разве что поклониться святыням...

– Непременно, – с жаром подхватила Мариана. – Уж если повезло оказаться в святом городе!..

Брат провозвестник тонко улыбнулся:

– Похвальное рвение, чадо, и отрадно мне сие у столь юного и очаровательного создания. Я советую тебе посетить сегодняшнюю службу, дочь моя: нынче праздник Юлия и Юлии Беспорочных.

Барти понадеялся, что священник не услышал судорожного вздоха девушки, – а если услышал, так истолковал по-своему. Юлию и Юлию Беспорочным, покровителям духовной любви, посвящен тот самый монастырь, куда чуть не упек Мариану ее жадный до мирских благ духовник.

– Мой секретарь проводит тебя, чадо, – продолжал брат провозвестник. – А назавтра я попрошу сестру из Ордена Утешения сопроводить тебя по чтимым святыням. Ведь ты не знаешь Ич-Тойвина, верно, дочь моя?

– Я знаю, – почтительно встрял Барти. – Благородная Мариана под моей защитой, и разумеется, я не отпущу ее блуждать в одиночестве.

– К тебе, сын мой, у меня иная просьба. Впрочем, это долгий разговор, не будем задерживать Мариану. Праздничная служба вот-вот начнется. – Хозяин кабинета звякнул в колокольчик; в дверях возник секретарь: если и не тот, что привел их сюда, то весьма на него похожий. – Брат мой, проводи гостью на праздничную службу. Я не прощаюсь, дитя мое, Мариана. Сердце говорит мне, что ты нуждаешься в совете и благословении; а значит, мы еще увидимся.

– Благодарю, отец. – Мариана склонила голову; голос девушки чуть заметно дрожал. Надеюсь, подумал рыцарь, эту дрожь спишут на благоговейный восторг...

Закрылась дверь. Брат провозвестник Светлейшего Капитула и королевский рыцарь Таргалы остались одни.

– Сьер Бартоломью, – та мягкость, с которой священник говорил с Марианой, оставила его голос, сменилась деловитой строгостью, – это письмо характеризует вас наилучшим образом. Как достойный рыцарь и верный сын Церкви, вы поступили весьма благородно, не оставив девицу Мариану без присмотра и защиты.

– Так должен был поступить любой, – повел плечами Барти.

– Но поступили так именно вы, – прервал светлый отец, – и сие делает вам честь. Я ведь верно понимаю, сьер Бартоломью, что меж вами и девицей Марианой нет близких отношений?

Острый взгляд впился в лицо рыцаря.

– Благородная Мариана под моей защитой. – Хозяин этого кабинета, напомнил себе Барти, имеет право на любые вопросы. – Я отвечаю за нее пред Господом и скорее умру, чем позволю себе непочтительность в ее адрес. И другим, – добавил рыцарь после короткой заминки.

– Я понял, – кивнул священник. – Благодарю тебя, сын мой, за честный ответ. Однако что же повело столь чистую девушку на поиски подвига?

– Это ее тайна, – развел руками Барти. Понимай, как хочешь, светлой отец. Но если ты и узнаешь, что Мариану послала в путь ссора с ее духовником, то не от меня. Ничего нет глупее, чем жаловаться церковнику на церковника: перед мирянами люди Господа сами друга друга не хаот и другим не позволяют.

– Возможно, девице всего лишь подыскали жениха не по сердцу? – Брат провозвестник в задумчивости разминал пальцы, сэр Барти почтительно молчал. Не дело простому рыцарю мешать размышлениям второго человека в Капитуле.

– Сьер Бартоломью, я знаю о той клятве, что столь опрометчиво принесла ваша спутница. – Брат провозвестник указал глазами на письмо. – Однако не дело девице искать подвигов.

– Я уповаю на вашу мудрость, отец, – осторожно вымолвил Барти. – Меня благородная Мариана не слушает, но вас... Если вы уверите ее, что клятва исполнена и на этом надо бы остановиться...

– Непременно, – кивнул брат провозвестник. – Ибо не след искушать Господа подобными клятвами. Увезите девицу Мариану домой, сьер Бартоломью, и пусть она строит свою жизнь, как подобает будущей жене и матери.

Твои бы слова да Господу в уши, неожиданно зло подумал Барти. Домой... легко сказать!

– Однако поговорим о тебе, чадо. – Тонкие пальцы брата провозвестника словно невзначай коснулись письма. – Прав ли я, полагая, что в рыцари ты пошел в поисках доли?

– Да, отец, это так.

– И долго уже служишь, чадо?

Барти не подал виду, что понял изнанку вопроса: «И что, дождался ли достойной награды?» Ответил коротко:

– Тринадцатый год.

Священник помолчал, покивал сочувственно. Обронил:

– Церкви дорог каждый верный сын, чадо.

Отворилась дверь, в кабинет заглянул давешний секретарь:

– Глава Капитула просит вас, отче.

Брат провозвестник встал. Сказал рыцарю с отеческой теплотой в голосе:

– Мы увидимся еще, чадо.

Барти склонил голову под благословение и вышел вслед за секретарем.

3. Брат провозвестник Светлейшего Капитула

Искусство вовремя оборвать разговор брат провозвестник считал куда более важным, чем само умение беседовать. Сказать то – и так! – что нужно сказать, при этом умолчав о том, чего лучше не касаться, умеют многие. А уж из достигших более-менее высокого положения – любой. Но взять паузу на верной ноте, дать собеседнику время *созреть*...

Конечно, поднаторевшему в интригах члену Капитула такой вот рыцарь – на один зуб. Но с благородными нельзя в лоб. Пусть уйдет, очарованный добротой и пониманием, пусть повертит в голове все двенадцать лет беспорочной службы, посчитает, много ль милостей на ней поимел... пусть сам додумает, что же хотел сказать последней своей фразой человек, которого сам глава Капитула не требует к себе, а просит.

Разумеется, упомянутый глава о собственной просьбе знать не знает – ибо вечера предпочитает проводить в обществе отнюдь не святом. Ну да Господь ему судья, а подчиненным только в радость. А славная все же придумка – педаль звонка под столом, и секретарь, заранее знающий, как зайти и что сказать по каждому из полудюжины сигналов...

Брат провозвестник еще раз перечитал письмо из Таргалы. Вести важные, но стоят ли риска попасть под горячую руку сиятельному императору? Сочтет ли владыка повод достойным нарушенного покоя? В Ич-Тойвин сиятельный приезжает отдохнуть...

Вошел секретарь, доложил:

– Рыцаря отвел на службу. Отрядил брата Джили проследить, где остановились и как себя ведут наедине. Хотя девица в самом деле непорочна, камень святой Юлии подтвердил.

– Она не заметила, надеюсь?

– Если и заметила, не подумает, что ее проверяли. Мало ли чудес в святом городе?

– Благодарю, Ирти. Вели приготовить карету, я еду к императору.

– Еще одно... – Секретарь, казалось, мнетя, подбирая верные слова.

– Ну?

– Брат привратник проверил седельные сумки...

Хозяин кабинета поднял бровь:

– И что же он нашел там такого, что ты не знаешь, как доложить об этом?

– Гномьи огненные зерна.

– Что-о-о?!

– Гномьи огненные зерна, – повторил Ирти. – В сумке девицы. Во флакончике, в каких дамы носят соль от обмороков.

– И сколько? – севшим голосом спросил брат провозвестник.

Верный секретарь досадливо поморщился:

– Брат привратник испугался считать. Говорит, с половину флакона. Но сколько их там поместится?

– Сколько бы ни поместилось... – Брат провозвестник уже справился с приступом резкого, воистину животного ужаса; теперь он мог рассуждать. Для дорожных нужд такое с собою не таскают; значит, либо это еще одна посылочка, побочный заработок курьеров, либо... а, хвост Нечистого, какая разница, у кого в руках они сработают! Появление в Ич-Тойвине такой силы надо, по меньшей мере, учитывать в собственных планах. – Глаз не спускать с обоих, – приказал замершему в ожидании Ирти. – К девице приставь сестру Элиль, да пусть переоденется: я обещал провожатую из Ордена Утешения. Рыцаря... рыцарю пошли с утра приглашение. Мы ведь не договорили. – По тонким губам священника скользнула недобрая улыбка.

Секретарь кивнул, вышел. Брат провозвестник сложил письмо, спрятал в тайный карман в рукаве. Пусть лучше владыка разгневется за излишнее рвение, чем за небрежение

и промедление. Вести из Корварены напрямую касаются планов императора в Таргале. А усердных ценят больше.

Вот только стоит ли докладывать сиятельному о гномьих зернах именно сегодня? Магия чужая, нелюдская, незнаемая... Нет уж, сначала надо вызнать, что может она. И потом, владыка горяч. С него станется приказать вырвать у рыцаря зерна силой, а ну как их чары – из тех, что позволяют менять хозяев лишь по обоюдному согласию? Что-что, а подставляться под самоубийственные поручения брат провозвестник не торопился. У него еще были планы на этой земле.

4. Пресветлый отец предстоятель из монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Церковь едина и таковой должна оставаться. Не каждому из светлых братьев дозволено знать о внутренних течениях церковной верхушки, об интригах, что плетутся под тихой гладью благостного единодушия, с коим руководит чадами своими Светлейший Капитул. Вот и отец предстоятель монастыря Софии Предстоящей – не знал. До того дня, когда – накануне принятия решения, ради которого и звали на Капитул, помимо духовных пастырей королей, князей, владык земель и провинций, еще и монастырских отцов – его принял у себя дома брат провозвестник, второй в Капитуле после Главы его.

Что брат провозвестник имеет в глазах прочих членов Капитула куда больший вес, чем должно по рангу его, пресветлый к тому дню уже понял. Понял и то, что Церковь сродни государству: без должного руководства, без твердой руки, ведущей по предначертанному пути, она теряет силу и влияние. А без влияния как вести к свету души людские? Поэтому отец предстоятель поддержал планы брата провозвестника; потому же согласился извещать о происходящем в Таргале, хотя и знал о скорой войне. Церковь превыше государств, земные властители должны склоняться пред волей ее. Луи не склонился – тем хуже для Луи.

Из трех приехавших с ханджарским посольством светлых отцов один оказался преданным брату провозвестнику. Брат Юлий нашел возможность посетить монастырь – а что удивительного в желании осмотреть один из красивейших храмов Таргалы? Говорили о перспективах посольства – и о том, как станет действовать таргальская Церковь в случае войны. Пусть Таргала давно отложила от империи – Церковь осталась единой, и следует поддерживать верного сына ее против отступника и вольнодумца. Прощаясь же, брат Юлий оставил пресветлому клетку с голубями: дабы имел тот возможность отправить весточку брату провозвестнику, ведь в случае войны нельзя полагаться на курьеров.

А через два дня Луи арестовал посольство. Всех: от самого посла до последнего слуги. Вопиющая наглость! Граф Унгери объявил о покушении на короля, и Таргала поверила: капитан службы безопасности умел как убеждать силой, так и запускать нужные слухи. Когда же отец Ипполит спросил короля Луи об участии сынов Церкви, что были при посольстве, тот лицемерно ответил: мол, верные заповедям Господним светлые отцы поплатились жизнями за попытку помешать злодейству. Увы. Скорблю вместе с вами, отец мой.

Скорбит он, как же! Разве о том, что своего аббата в камеру к ханджарским светлым отцам засадить не выйдет. Возомнил о себе, мальчишка, щенок венценосный! Должен ведь понимать, что Капитул Таргалы ни одному слову из этой сказочки не поверит. Воистину пора призвать нахального молокососа к смирению и послушанию.

Вызвать, что произошло с братом Юлием и двумя его товарищами, труда не составило: королевские тюремщики, как и прочая паства, исправно посещают исповеди. Но, пожалуй, вздумай пресветлый опровергнуть публично версию графа Унгери, оказался бы в той же тюрьме. Раз уж его величество Луи совсем утратил почтение к людям Господним...

И отец предстоятель в кои веки оставил принятие решения всецело на совести отца Ипполита; сам же, описав случившееся, отправил голубя в Ич-Тойвин. Пресветлого ждали сложные и непривычные хлопоты. Теперь, когда война стала неизбежной, он должен был быстро и аккуратно подвести монастырскую братию к мысли о верности Капитулу, а не королю.

О том, что служба графа Унгери перехватывает летящих на юг почтовых голубей, пресветлый, разумеется, и не подозревал.

ДЕЛА ЛЮБОВНЫЕ

1. Мариана, девица из благородной семьи

Ич-Тойвин казался Мариане воплощенной сказкой, краем обетованным. Дома здесь украшала драгоценная мозаика, на площадях фонтанчики рассыпали радуго брызг, а священные смоковницы росли прямо на улицах, словно какие-нибудь вязы или, скажем, яблони. Вода отдавала сладким и, налитая в глиняные кувшины, оставалась холодной в любой зной. В трактирах подавали баранину, политую соусом столь острым, что горело во рту; в вино добавляли пряности, а знаменитую ханджарскую пастилу с имбирем, достойную королевского стола, продавали задешево уличные лоточники. Здесь не было нищих, попрошаек и бродячих собак.

Уже к вечеру второго дня Мариана поняла, что влюбилась в этот город.

Сестра Элиль, похожая на приветливую кумушку монахиня в белых одеждах Ордена Утешения, посмеивалась над восторгами юной северянки. Рассказывала, как почти уж тысячелетие тому назад пришел к Поющей горе предок нынешнего императора, святой Джамидер Строитель. Как поднялся на вершину и заночевал там, а на рассвете случилось ему знамение Господне. И повелел Джамидер основать у подножия горы Ич-Тойвин, Цветущий город, дабы до скончания веков радовались прекрасному глаза, сердца и души людские. За что, собственно, и получил прозвание Строитель.

Сестра Элиль водила Мариану по храмам и часовням, усыпальницам и святым источникам; и девушка все больше узнавала об Ич-Тойвине, а монахиня – о девушке. Мариана понять не могла, как так случилось, что выделенная ей милостью брата провозвестника провозжатая в первый же день стала ближе самой близкой подруги. Да девушка об этом и не задумывалась. Ей нравилось рассказывать сестре Элиль о Таргале и об их с Барти пути в Ич-Тойвин; нравилось, как монахиня слушает, кивая и ахая, как вставляет участливые вопросы. Услышав о данной в обиде клятве, сестра укоризненно покачала головой, а после рассказа о том, как негероически клятва эта исполнилась чуть ли не в первый день пути, не засмеялась, а сказала серьезно:

– То был тебе знак Господень, девочка. О том знак, что не след тебе искать дел, подobaющих мужчине и воину.

– Да, наверное, – вздохнула Мариана. – Что таить, если бы не Барти, пропала бы я где-нибудь на полдороге. Вернусь домой, извинюсь перед их капитаном. Прав он был, удерживая меня.

– И что тебе только в голову взбрело? – укоризненно спросила монахиня.

Мариана лишь плечами пожала. Разлад с отцом Томасом уже не казался ей достаточным поводом для всего, что она сдуру наворотила. Впрочем, окончилось все не так плохо: она попала в Ич-Тойвин, о чем раньше и мечтать не смела, к тому же попала не просто так, а оказав при этом услугу Церкви... так, может, то и вправду был Промысел Господень? А раз так, на кого обижаться?

Да, здесь, посреди ожившей сказки, Мариана наконец-то простила и несправедного отца Томаса, и себя, трусливую и слабую, – простила искренне, душою, а не разумом. Будто вытащили из сердца ядовитую занозу... Мариана ощущала себя легкой и счастливой и улыбалась всему миру, потому что мир был прекрасен.

Диво ли, что на третий день прогулок по Ич-Тойвину юная северянка получила предложение руки и сердца? Ничто не красит деву так, как ясная улыбка.

2. Благородный Ферхад иль-Джамидер, прозванный Лев Ич-Тойвина

Трапезная гостиницы в этот час пустовала: для обеда поздно, для ночных гуляк рано. Хозяин откровенно скучал за стойкой, но не уходил: а ну как гостям заблагорассудится добавки? Расторопная служанка уже протерла столы и теперь шустро мела пол. Барти и Мариана говорили, не опасаясь лишних ушей.

– Представляешь, – смеясь, рассказывала Мариана, – он мне предложил стать его сорок восьмой женой! Да еще с таким видом, будто ждал, что я тут же расплачусь от счастья и кинусь ему на шею!

– А если бы первой? – с напряжением, которого Мариана не заметила, спросил Барти. – И единственной?

Мариана задумалась на миг, тряхнула головой:

– Нет уж! Он красив, спору нет... но, знаешь, Барти, он... – девушка запнулась, подбирая слова, – недобрый. Когда он смотрит на тебя в упор, хочется убежать и спрятаться. А говорит – как будто острая сталь под бархатом прячется. Сестра Элиль сказала, что его называют Лев Ич-Тойвина и что это почетное прозвище. Но мне он и вправду кажется львом, злобным демоном вроде тех, от которых мы в пути отгораживались кострами и молитвами.

– Лев Ич-Тойвина? – Рыцарь не заметил, как разжались пальцы и завернутый в тонкую лепешку шмат баранины упал в тарелку, откуда был взят. – Мариана, а сам он как тебе представился? Благородный Ферхад иль-Джамидер?

– Не помню, – смущенно призналась Мариана. – Вроде бы... Их имена так похожи одно на другое, и потом, мне так стало смешно, и... страшно немного. Он, правда, хвастал, что родич самому императору, но ведь у императора тех родичей...

Это верно, мысленно согласился Барти, если по каждой собственной жене считать да по каждой отцовской... При таком выводе родни у нормального правителя скорее будет желание основательно эту родню проредить, чем каждому покровительство оказывать да благоволение проявлять. Но Лев Ич-Тойвина...

– Что ты ему ответила?

Мариана отправила в рот ломтик острого козьего сыра, буркнула:

– Посоветовала обойтись сорока семью.

А еще – выразила сомнение, что доблестный муж этот-то курятник удовлетворяет должным образом. Погорячилась, конечно, что сказать. Мариана вспомнила яростный взгляд из-под тонких черных бровей, побелевшие губы, свист хлыста, от которого холеный вороной прижал уши и рванул с места в карьер...

Барти покачал головой:

– Не стоит тебе ходить одной.

– Но я же не одна, я...

– Сестра Элиль не защитит тебя от начальника императорской стражи Ич-Тойвина.

– Он?...

– Да, Мариана. Известный человек. – Барти повертел в руках кубок с вином, поставил, не пригубив. – Нам бы уехать, Мариана.

– Так давай уедем, – неожиданно покладисто согласилась девушка. – Но ведь тебя опять завтра брат провозвестник ждет?

– Да плевать! – Барти помрачнел. – Не пойму я, чего он от меня хочет. То о службе расспрашивает, то о гномах, то о Корварене...

А то роняет словно невзначай, как Святой Церкви нужны верные, – будто верность рыцаря не отдана короне раз и навсегда! Сэр Бартоломью потер лоб. Нынешний разговор

снова закончился невнятно, оставив смутную тревогу. И недовольство – не то собою, не то службой королевской. Нет, и впрямь надо уезжать. Хватит с него душеполезных разговоров, а с Марианы – претендентов на руку, сердце и прочие девичьи прелести.

Звякнул колокольчик над дверью; хозяин встрепенулся, служанка уронила веник под стол и оправила фартук. В трапезную вошли двое стражников, расположились у стойки, против окна, – как видно, сменились с дежурства и решили пропустить по кружечке. Взблеснуло золото галунов на багряных куртках, подмигнул солнечный зайчик с рукояти тяжелой сабли.

Барти понизил голос:

– Караваны в Ингар отправляются поутру. Собери сумки с вечера, Мариана. Я разбужу тебя.

– Хорошо, – кивнула девушка.

Рыцарь достал золотой, бросил на стол:

– Эй, милейший! Разбуди меня завтра к рассвету, мы с госпожой хотим поклониться праху святого Карела.

– Будет сделано, господин, – откликнулся хозяин.

Стражник бросил на рыцаря короткий взгляд поверх кружки с вином и вновь обернулся к товарищу. Видать, давно служит, усмехнулся Барти: вот вроде и на отдыхе, а бдит. Старый пес... Ханджарский сабельник неожиданно напомнил ему Базиля, и рыцарь невольно улыбнулся. Как-то привыкший к одиночеству ветеран справляется с двумя непоседливыми племяшами?...

Сэр Барти проводил Мариану до дверей ее комнаты, дождался стука щеколды, повязал на ручку «сигналку»: в гостиницах Ич-Тойвина ворья не водилось, но осторожного и Господь бережет! И пошел спать. Его-то сумки всегда готовы к тому, чтобы схватить их по тревоге.

3. Серж, дознатчик службы безопасности Таргалы

Галерея была пуста, и Серж откинул капюшон. Ветер швырнул в лицо drobный звон лютни, обрывки смеха, запах прогоревших костров. На нижнем дворе веселились. Заезжий менестрель, вчерашним вечером услаждавший слух хозяев изысканным перебором струн, чередовавший баллады о храбрых рыцарях и прекрасных дамах с воспеванием деяний чтимых в Таргале святых, для солдат поберег совсем другие песни. «Трактирщикова дочка», «Три монашки», «На бережке, на берегу»... Вот «Красотку Катрину» завел, стражники подпевают не в лад, зато от души...

Катрина, Кэтрин, Кэти... Серж избегал попадаться на глаза Базиллю: бывший себастиийский десятник вполне мог узнать бывшего рыцаря себастиийского отряда. Благо, капюшон странствующего монаха скрывает лицо; выбери граф Унгеры для своего шпиона иную личину, навряд ли тот смог избежать разоблачения. Но, видит Господь, риск разоблачения – не слишком большая плата за внимание Базилевой племянницы. Угораздило же! Жаркая кудрявая девчонка так и стоит перед глазами, ночами снится, будто юнцу нецелованному! Но не в монашеском обличье разговоры о любви заводить; вот и остается смотреть с галереи, как смеется Кэтрин чужим шуточкам, как выются вокруг нее горячие парни.

– Хороший ветер, – негромко заметил остановившийся рядом Филипп. – При таком ветре можно не бояться гостей с моря. Что вы думаете о положении на островах, брат Серж? Кажется, дела Хальва понемногу выправляются?

Серж обернулся к наследному герцогу почти с благодарностью:

– Служа Господу, не следует пренебрегать мирскими проблемами, но я, признаться, не слишком разбираюсь в политике. Может, хоть вы объясните мне, чем так уж помогло Хальву присутствие нашего министра и нескольких офицеров? Я слышал, что от них там немного проку, а уж от министра и вовсе – одни сплошные хлопоты.

– Империя стала там осторожнее, только и всего, – пожал плечами герцог. – Проку немного, вы правы. Если не считать того, что флот империи... Вы хоть знаете, брат Серж, что империя послала на острова свой флот? Так вот, флот империи привычен сражаться в открытом море, и с помощью наших офицеров корсары Хальва замечательно с ним справляются. Островные проливы и шхеры сейчас, пожалуй, намного менее судоходны, чем год назад – слишком много там на дне ханджарских шлюпов и фрегатов. Но теперь, боюсь, нам следует ждать войны. Кузен мой король правильно сделал, отправив Хальву это посольство. Иначе острова уже были бы новой провинцией империи. Однако возможность взять север под свою руку – слишком сладкий кусок, чтобы император от него отказался. В данной ситуации Омерхад или потребует от Таргалы невмешательства, или вспомнит о том, что Золотой полуостров все еще считается провинцией великой империи. И то и другое, как легко понять, не устроит его величество Луи.

А Филипп не так глуп, как считают в окружении короля, отметил Серж. Да оно и понятно: сидит сиднем в своей Дзельке, при дворе появляется по великим праздникам, где уж составить о таком верное мнение? Что ж, раз уж завязался такой интересный разговор...

– Так не ошибся ли добрый наш король, отвергнув брачный союз с империей? Оскорблять императора пренебрежением, когда у него и без того на Таргалу зуб?

Филипп дернул плечом:

– У нас, хвала Господу, мужчине положена одна жена! Луи успел обручиться, и теперь о пренебрежении говорить нельзя.

– Но если его величество берет за себя дочь Егория лишь для того, чтобы не стать зятем императора, и тем самым приносит войну своему народу и своей стране...

– Ах, брат Серж, – перебил герцог, – я вижу, вы и впрямь не разбираетесь в политике. Войну можно выиграть, вот в чем весь секрет. Именно поэтому император хочет взять Таргалу мирно, тихой сапой, исподтишка. Признаться, брат Серж, услышав об этом посольстве, я впервые порадовался тому, что женат.

– Нехорошо, сын мой, так отзываться о супруге. – Серж постарался вложить в голос побольше мягкой укоризны – того рода, что так хорошо получалась у пресветлого. Сам он испытывал сейчас лишь досаду: взгляды Филиппа на политические проблемы были всяко интересней его неладов с женой. Но тот брат Серж, какого знал наследный герцог, просто обязан был воспользоваться случаем и уделить внимание семейным неурядицам хозяев замка. – Какова бы ни была жена, муж отвечает за нее пред Господом. Посему любезен Господу мир между супругами и отвратительны рознь и неприязнь. И за все, что неприязнь возвращает и лелеет, призовет на Последнем Суде к ответу.

– Грешен, – криво усмехнулся Филипп. – Но каяться не стану, ибо госпожа Хербертина грешна не менее.

– Вам следовало бы молить Господа о ниспослании супружеской любви.

Герцог дернул плечом:

– К чему? Я не нужен Хербертине, она не нужна мне – замечательное единодушие, вполне достойное зависти. Согласитесь, брат Серж, могло быть хуже.

– В словах твоих слишком много горечи, сын мой. Господь заповедал нам любить, и душа твоя это знает. А ты не слышишь ее. Причины наших несчастий в нас самих, и даже Господь всемогущий не даст нам счастья, если мы не готовы взять его.

– Вы великий утешитель, брат Серж, – усмехнулся Филипп. – Послушать вас – и поверишь, что стать счастливым ничего не стоит.

– Так оно и есть, – пожал плечами Серж. – Уж поверьте, ваше высочество. Я был несчастен, я знаю.

Герцог приподнял бровь. Перевел взгляд с собеседника во двор, где смеялась, отплясывая с кем-то из стражников, Кэтрин. И спросил с чуть заметной, не выходящей за рамки вежливости издевкой:

– Значит, сейчас вы счастливы?

А, Нечистый бы его побрал! Неужели так заметно?!

– Вы покраснели, брат Серж. Право, на вашем месте я спустился бы вниз. Ведь Господь заповедал нам любить, так почему вы не берете то счастье, что он посылает вам?

Серж не нашелся с ответом; впрочем, герцог ответа и не ждал. Кивнул доброжелательно, пожелал приятного вечера и ушел.

Кулак дозначника грянулся о камень парапета. И снова – ссаживая кожу в кровь. Приди в себя, опомнись, не для тебя она! Даже если случится такое чудо, что сможешь объясниться и она тебя не оттолкнет – что дальше-то? Шпиону жениться не с руки. Одну службу уже бросил, с этой тоже дезертируешь? Предашь графа Унгери, как предал товарищей по отряду? Ведь предал! Вольно тебе было Барти упрекать, а сам-то? Как еще назвать, что за пять лет так и не пришел к ним? Не верил, боялся... надумал себе Нечистый знает чего, самому теперь вспомнить стыдно!

А и хитрая же bestия королевский кузен! Даже граф Унгери считает его трусом и рохлей; но если трусость наследного герцога сомнений не вызывает, то рохлей его не назовешь никак. Умный, наблюдательный, и язва первостатейная. Понять бы еще, от души он хвалил решения короля или подозревает в пришлое монахе коронного соглядатая? Пожалуй, второе: иначе с чего ему вообще заводить разговоры о политике? С людьми Господними беседуют о другом...

4. Благородный Ферхад иль-Джамидер, прозванный Лев Ич-Тойвина

Утро начиналось неправильно. Ломило кости, голова казалась чугуном котлом с прокисшей кашей, а глаза решительно не хотели открываться. Мариана шевельнула рукой; вместо грубого полотна гостиничных простыней пальцы скользнули по гладкому шелку. Девушка неуклюже повернулась на бок, все-таки разлепила непослушные веки...

Перед глазами колыхался светлый шелковый полог, край его придавливала горка пестрых подушек.

– Свет Господень, где я?...

– Ты у меня, – отозвался из-за полога незнакомый мужской голос. Хотя... незнакомый ли? Эти властные и слегка насмешливые нотки – сталь и бархат! – она слышала, кажется, совсем недавно...

Мариана села; голова немилосердно кружилась, и пришлось опереться руками о кровать, чтобы не упасть. Обнаружив на себе непривычное шелковое одеяние, просторное, с широкими рукавами, девушка ойкнула. Это что же получается, ее здесь раздевали?!

– Что молчишь? – спросил незнакомец. – Голова болит? На, выпей.

Полог раздвинулся ровно настолько, чтобы пропустить сжимающую золотой кубок руку. Первым побуждением Марианы было врезать хорошенько по этой руке – ну не такая ж она дура, чтобы пить невесть что, будучи невесть где и непонятно в чьей власти?! Но голова болела и впрямь нещадно, а околдовать ее могли сотню раз, пока она валялась здесь не то спящая, не то без памяти. Да полно, она и попала-то сюда не иначе как чародейством! Спать ложилась в гостинице... и утром, вспомнила вдруг девушка, они собирались уезжать. Не успели, значит...

– Да пей, не бойся! – в голосе незнакомца явственно чудилась насмешка, и Мариана решила. Обхватила кубок ладонями, поднесла к губам, вдохнула легкий, свежий аромат. В голове немного прояснилось. Ладно, выпьем... похоже, это и вправду всего лишь лекарство...

– Вот и умничка... – Кубок стукнул о стол, что-то скрипнуло... кресло? – Теперь полежи немного, и все пройдет. А там уж и поговорим.

Мариана послушно легла. Потянуло в сон. Вот только этого еще не хватало! И так проспала всё на свете! Девушка ущипнула себя за руку, с силой потерла лицо. Сон отступил, осталась только слабость. Как же она здесь оказалась? Девушке смутно припомнился грубый стук в дверь. Неужто у нее хватило ума открыть, и ее захватили? Но она не далась бы просто так, она бы отбивалась!

Свет Господень, одернула себя Мариана, да разве против чар можно драться?! Ее как-то усыпили, и все дела. И теперь, когда в голове уже не колыхнется вязкая прокисшая каша, девушка почти точно знала, кто... ну ладно, по чьему приказу... вот именно, по чьему приказу ее похитили.

Наверное, стоило испугаться. Или разозлиться. Но ни страх, ни злость приходиться не хотели; девушка ощущала себя странно спокойной, почти равнодушной. Тоже, верно, чары... Да оно и к лучшему. Злость сейчас не поможет, а страх... нет, бояться нельзя. Стоит испугаться – и тем самым признаешь, что ты в полной власти похитителя.

Да ты и так в полной власти, подумалось вдруг.

Что же делать?

Поговорить. Осмотреться. И попытаться сбежать, а как иначе? Не Барти же ждать... один в чужом городе, вряд ли рыцарь сможет даже найти ее, не говоря уж о том, чтобы выручить.

Прошептав молитву и призвав на помощь Ию-Заступницу, девушка отдернула полог.

Ослепительное южное солнце било в распахнутое настежь окно, сверкало и переливалось шелк подушек и покрывал, разбрасывала веселые блики золотая фигурная рама огромного – в рост! – зеркала. Странно, но среди этой вызывающей роскоши Лев Ич-Тойвина смотрелся не хуже, чем на вороном жеребце, в доспехе и при сабле. Красивый, уверенный в себе мужчина – из тех, за какими дуры-девки стаями бегают. Сорок восьмой женой, говоришь?

– Ну и зачем? – спокойно спросила Мариана.

– Неужели ты не поняла? – Тонкие дуги бровей насмешливо изогнулись. – Я хочу тебя, вот зачем. Ты так не похожа на наших женщин.

– Вот чудо-то, а я тебя совсем не хочу, – Мариана поразилась собственному спокойному голосу. – И учти, я благородной крови! Я вассал короля Таргалы, и ты не смеешь принуждать меня против воли.

– О да, конечно! – Быстрая улыбка скользнула по четко очерченным темным губам. – Я и не сомневался, что ты благородной крови. Каждое твое движение, каждый взгляд, каждое слово свидетельствуют о благородстве. Твой король – просто слепец, раз не заметил у себя под носом такое сокровище! Но я – я и заметил, и оценил. Я не поступлю с тобою бесчестно. Ты прекрасна, северянка, и ты достойна стать моей женой и матерью моих детей. Соглашайся! Клянусь Светом Господним, ты не пожалеешь. Я знаю, что нужно женщине, поверь, я сумею тебя порадовать.

Ни за что, хотела крикнуть Мариана, но в последний миг удержалась. Чем больше будет она ерепениться, тем меньше останется надежды на побег! Время... время и свобода ходить здесь, вот что ей нужно! Девушка выдавила фальшивую улыбку:

– Ишь какой быстрый! А скажи, у вас что, так вот принято: схватил, уволок – и замуж? Ни сватов, ни подарков, ни благословения родительского?

– Будут тебе подарки! – Женишок довольно улыбнулся. – Чего ты хочешь, о роза души моей?

Чтобы ты сдох, подумала Мариана. Можно – быстро и легко: я не кровожадна.

– Я же сказала: родительского благословения! Или ты хочешь, чтоб я душу свою погубила?

– Это хорошо, что ты богобоязненна. Но не бойся: нас благословит Святая Церковь. Между прочим, как зовут тебя, о прекрасная?

Спохватился!

– Мариана. А... тебя? Прости, не запомнила.

– Ты можешь звать меня просто Ферхади. Но это – наедине; при людях же у нас принято обращаться к мужу «господин мой», и лучше тебе запомнить это накрепко.

Видимо, что-то отразилось на лице Марианы, потому что Ферхади встал, шагнул к кровати и навис над пленницей, сковав ее взгляд яростным взглядом.

– Строптивых жен у нас укрощают, Мариана. Подумай, чего ты хочешь больше: ласки или плетей.

И вышел, оставив «розу души своей» одну.

5. Мариана, девица из благородной семьи

Мариана быстро убедилась, что чары защищают соблазнительно распахнутое окно не хуже решетки, дверь заперта снаружи, а зеркало не скрывает потайной ход – или же скрывает так хитро, что не ей открыть. Разуверясь в возможности немедленного побега, девушка решила заняться собой. Благо, на столике у зеркала нашелся не только гребешок, но и много чего еще...

Ферхади пришел, когда Мариана распустила косу и начала расчесываться. Остановился у двери, выдохнул восхищенно:

– Как ты прекрасна, северянка! Не волосы – чистое золото!

Вам, ханджарам, только золото и подавай, раздраженно подумала Мариана. Но от себя не скроешь: похвала пришлась ей по сердцу. Мариану еще ни один мужчина не называл красивой, никогда, сколько помнила она себя. А уж тем более – прекрасной.

– Однако я виноват перед тобой: не дело моей невесте обходиться без помощи служанок. Я пришлю тебе женщину, искусную в причесывании. И еще двоих, помочь одеться. И...

– погоди! Пока тут еще нет толпы служанок, я хочу спросить.

Лев Ич-Тойвина чуть заметно улыбнулся:

– Спрашивай, о роза души моей.

– Я приехала в Ич-Тойвин по делам Святой Церкви. И должна вернуться в Таргалу. Ты не боишься, что тебе придется держать ответ за неисполненное мною?

На краткий, почти незаметный миг улыбка превратилась в истинно львиный оскал. Но ответил ханджар спокойно:

– Не боюсь. Святая Церковь благословит нас и тем самым снимет с тебя долги. К тому же ты приехала в Ич-Тойвин не одна; твой спутник довершит дело. А ты запомни, северянка: Лев Ич-Тойвина не боится ничего и никого.

– Даже Господа?

– А что мне бояться Господа? Господа пусть боятся те, кто не чтит Его. – Ферхади подошел к Мариане, заглянул в глаза. – Что еще хочешь ты спросить?

– Мой спутник... я могу увидеться с ним?

– Конечно, о яхонт сердца моего! – Как странно он говорит: словно сам насмехается над собственными словами. – Когда ты станешь моей женой, тебе обязательно нужно будет с ним увидеться! Сама посуди: если твой рыцарь не будет знать, что оставил тебя в надежных и любящих руках, как сможет он спокойно вернуться домой? Впрочем, долго ждать встречи не придется, не волнуйся. Завтра день святой Анель, покровительницы супружеских уз, лучшего времени для свадьбы и желать нельзя.

– Завтра?!

– Не бойся, времени хватит. Уже к нынешнему вечеру все будет готово.

Почему-то Мариана подумала, что Ферхади прекрасно понимает: она вовсе не торопится стать его сорок восьмой женой. Понимает и получает удовольствие, делая вид, что у них все слажено-сговорено, а невеста только и мечтает очутиться в его постели. Ты ничего не сможешь сделать, говорили его насмешливые глаза, и легкая улыбка, и весь до тошноты самоуверенный вид. Ты моя. Я захотел тебя – и уже завтра получу в полное свое владение. Такие дела у нас делаются быстро, и не надейся, что кто-то здесь станет спрашивать твоего согласия. Попробуй только не согласишься.

А вот попробую!

– Ты обещал мне благословение.

– И оно будет, – спокойно подтвердил жених.

– Брата провозвестника.

– Ты хочешь именно его?... Хорошо. – Императорский родич пожал плечами с таким видом, словно просьба невесты была сущим пустяком. А впрочем... может, это и вправду для него пустяк, подумала Мариана. Ну что ж, по крайней мере, брату провозвестнику она сможет сказать, что вовсе не хочет замуж за этого... этого!

– Так что готовься к свадьбе и не тревожься ни о чем. – Ферхади окинул девушку жарким, восхищенным и бесстыдным взглядом – таким, что у нее запылали не только щеки, но и лоб и даже, кажется, уши! – кивнул и вышел.

Мариана зашвырнула гребешок в угол, пнула свалившуюся с кровати подушку и метнулась к окну. Густой, словно смола, воздух заставил остановиться в шаге от свободы. Нечистый бы побрал все эти чары! Заперта, как в клетке!

И если не вырваться до свадьбы, так всю жизнь в клетке и просидишь.

Но ты ведь вырвешься? Правда?

Когда в ее клетку влетели пестрой стайкой обещанные Ферхади служанки, Мариана встретила их со спокойной, вежливой, немного грустной покорностью. А покрасневшие глаза... Что ж, невесте простительно оплакать девичество. Прекрасная северянка с удовольствием позволила омыть себя пахнувшей розами теплой водой, одеть в скромное белое платье, подкрасить ресницы и брови, уложить волосы в перевитый белыми лентами веночек из двух кос, – а интересная прическа, надо запомнить! После чего, под восхищенный щебет встав перед зеркалом, невольно ахнула.

Она и вправду была хороша. Пожалуй, почти так же хороша, как святая Юлия на стене часовни в Белых Холмах! Девушка отогнала святотатственную мысль, но на смену ей пришла другая, не менее нескромная: видел бы Барти! Мариана сердито отвернулась от зеркала... и замерла, столкнувшись взглядом с женихом.

Ферхади глядел на нее с откровенным восторгом. И Мариана вдруг с ужасом поняла, что этот его восторг ей приятен. Он казался чище давешнего бесстыдного взгляда. Чище, искреннее и... душевнее?

А ведь такого я могу его полюбить, замерев сердцем, подумала Мариана. И вот тогда мне только и останется, что умереть от позора...

Но тут восхищение Ферхади сменилось деловитой собранностью, и наваждение отпустило девушку. Они враги, и «жених» понимает это не хуже «невесты». И сейчас их ждет, похоже, решающий бой.

– Пойдем со мной, Мариана.

Даже не будь в его голосе неприкрытого приказа, Мариана и не подумала бы спорить. Не в ее привычках уклоняться от схватки!

Но схватки не вышло. Лев Ич-Тойвина уничтожил врага одним точным ударом.

Оказывается, Барти все это время был рядом. Все время, пока она представляла, как рыцарь ищет ее, и строила планы спасения, и ждала, и надеялась, – он лежал через стену от нее, в соседней комнате. И похититель даже не озаботился запереть дверь: к чему, когда у пленника дыхание-то разглядеть можно разве что чудом... только потому, что раздет, и прикрывает его лишь небрежно накинутая простыня, а одежда и оружие аккуратно сложены рядом...

Ферхади поддержал девушку под локоть, сказал сочувственно:

– Он спит, всего лишь спит. Так же, как спала ты, когда тебя привезли сюда. Просто с тебя сняли чары, а с него нет.

Мариана прислонилась к стене, выдавила:

– Зачем?...

Острый взгляд впился в ее глаза, в только что нежном голосе зазвенела сталь.

– Я не знаю, северянка, почему ты хочешь благословения именно брата провозвестника. Но ты получишь его, как подобает счастливой невесте. И выкинь из головы мысли

о побеге. Он-то, – ханджар мотнул головой в сторону распростертого на шелке покрывал рыцаря, – никуда не убежит. Или тебе все равно, что станет с ним?

Мариана сама не поняла, чего хотела: кинуться ли к Барти, вцепиться ли в волосы ненавистному жениху... Но, чего бы ни хотела, Ферхади не дал ей такой возможности. Перехватил руки, стиснул, прижал к стене: вроде и не сильно, а не дернешься.

– Пусти, – прошипела Мариана.

Он рассмеялся... Свет Господень, рассмеялся!

– Где ты видела, о прекрасная, чтобы лев упустил свою добычу? Ты моя, пойми это наконец, моя!

– Да какой ты лев! Ты, ты... гиена, вот ты кто! Смрадная, трусливая гиена! Ты взял нас чарами, подло и трусливо, сонных, потому что в честном бою Барти сделал бы тебя тремя ударами! Даже одним, куда гиене против рыцаря!

– Ты его любишь, – уверенно заключил Ферхади. – Я так и думал. Ну ничего. Ты чиста, я знаю, а девичьи влюбленности не в счет. Очень скоро, северянка, ты поллюбишь меня. И не бойся за своего рыцаря. Я не мщу проигравшим врагам, победы с меня достаточно. Как только ты станешь моей женой, с него снимут чары. Он уедет из Ич-Тойвина свободно, без урона для себя. Обещаю.

Мариана не замечала, что по щекам ее текут слезы, – пока Ферхади не достал платок и не вытер их. «Ты его любишь», – вновь и вновь звучало у нее в ушах. Ты. Его. Любишь. Его.

Барти.

– Так что, Мариана, пойдешь ты за меня?

Еще бы. Достаточно того, что из-за ее дурусти Барти оказался там, куда вряд ли отправился бы по своей воле. Но если выйдет так, что своей глупой клятвой она притащила его на смерть... даже не клятвой, нет! Гордостью... гордыней! Ведь Барти прав был: клятва ее исполнилась почти сразу, в точности так, как она обещала. А она не захотела увидеть знака Господнего... боялась, дура, что над ней смеяться станут! А теперь?

«Ты его любишь», вот что теперь. Можешь заплатить за его жизнь своей свободой. А можешь... а ничего больше не можешь. Он прав, ее клятый жених, кругом прав. Почему, ну почему она не поняла сама? Раньше? Пока еще можно было хоть что-то сделать? Хотя бы сказать...

Дура.

Дважды, трижды дура! Да с чего она взяла, что рыцарю нужна ее любовь?! Может, и к лучшему, что они расстанутся вот так. Что можно будет помнить хорошее... Что он не успел оттолкнуть дуру-девку холодным «ты не нужна мне»!

– Поклянись, – ее голос звучал жалко, так жалко, что она и договаривать не стала. Но Ферхади понял.

– Я клянусь Светом Господним и спасением души своей, что рыцарь покинет мой дом невредимым сразу после нашей свадьбы. – Лев Ич-Тойвина задумался на несколько мгновений и продолжил: – Я клянусь также, что не причиню ему вреда и позже, если только сам он не станет злоумышлять против меня. И, разумеется, если не начнется война.

– Какая война? – Мариана сама удивилась, услышав свой вопрос: будто сейчас ей есть дело до их глупых войн!

– Ну мало ли, – усмехнулся ханджар. – С самого вашего отложения каждый император мечтает вернуть Таргалу. Так почему бы сиятельному Омерхаду не перейти от мечтаний к делу – как раз при нашей с рыцарем жизни? Клятва должна предусматривать все, иначе как можно ей верить?

Да уж, невольно согласилась Мариана. Вот отличие клятвы мужчины и воина от клятвы глупой девчонки. Предусмотреть все, а не ляпнуть в запале, а потом расхлебывать... или, что хуже, втравить других расхлебывать...

– Пойдем, Мариана. – Ферхади, видно, заметил, что взгляд невесты то и дело возвращается к пленнику. Он приобнял северянку, крепко сжав локти: не как жених и не как пленитель, а просто чтобы не дать девушке упасть, оторвал от стены и силой развернул к двери. – Знаю, я тебя расстроил. Но зато уберег от необдуманных поступков. А для того и потребен жене муж, чтобы защищать от всего, даже от ее собственных глупостей.

Я должна бы разозлиться, подумала Мариана. Но, верно, я поумнела за последний месяц. Ты прав, и Барти согласился бы с тобой. Он тоже берег меня от моих собственных глупостей.

Вот только берёт – по-другому.

О ПУТЯХ В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

1. Брат провозвестник Светлейшего Капитула

Когда брат провозвестник выслушал очередной доклад сестры Элиль, рассказ о сожжении мрачников заинтересовал его куда больше, чем дерзкий ответ, что получил от Марианы благородный Ферхад иль-Джамидер. В конце концов, жаркий нрав Льва Ич-Тойвина – не новость, а вот возможности гномьих зерен...

Святой отец задумчиво размял пальцы, поглядел на ждущую указаний сестру:

– Завтра будь осторожна. Намекни Мариане, что глупо дерзить высокородным господам в чужой стране. Если Лев Ич-Тойвина вновь почтит ее своим вниманием... Лучше бы, конечно, ему понять, что на ней свет клином не сошелся, но... В общем, постарайся сделать так, чтобы они расстались мирно.

– А лучше вовсе не встречались?

– Воистину, – кивнул брат провозвестник. – Ступай, сестра, и да будет с тобой сила Господня.

А вот с рыцарем, продолжил про себя, завтра же надо заканчивать. Конечно, для лучшего эффекта потребны еще дня три-четыре, но в целом игра сделана. Съер Бартоломью присягнет Святой Церкви, отдаст драгоценные зерна, – а после пусть хватает Мариану в охапку и проваливает в свою Таргалу как можно скорее. В пока еще свою... Губы брата провозвестника тронула легкая улыбка.

От которой наутро не осталось и следа.

Брат провозвестник считал, что достаточно знает буйный нрав Льва Ич-Тойвина. Но, Нечистый бы побрал то, что болтается у благородного Ферхади между ног и временами заменяет ему голову, такой наглости от своего духовного сына он не ждал! Прямо из гостиницы, не смущаясь свидетелей, похитить двух паломников, да еще принятых одним из членов Капитула... Впрочем, осадил себя брат провозвестник, об этом Ферхади мог и не знать. Даже скорей всего не знал. Что отнюдь не делает его наглость простительной. В конце-то концов, начальнику императорской стражи не к лицу уподобляться молокососам, похищающим свою первую невесту. Его удаль и без того всем известна.

И что он нашел в белобрысой таргальской пигалице?! Ферхад иль-Джамидер, Лев Ич-Тойвина, прямой потомок двух величайших императоров Хандиары: Ферхада Собирателя и Джамидера Строителя! Обласканный милостями владыки удалец, за которого с радостью пошла бы любая красавица империи, побежала бы, только помани!

Ярость сменялась недоумением, недоумение – яростью, а планы, тщательно выверенные, выпестованные, заветные планы со свистом летели в тартарары. Подумать только – судьба Капитула, Церкви, империи, война или мир... корона Таргалы, наконец! А на другой чаше весов – бесшабашный удалец, умеющий только драться и любить, и глупая девчонка! И они, прах их заberi, перевешивают! Неужто низменная плотская страсть в глазах Господа стоит выше судеб властителей и королевств?!

Брат провозвестник метался по кабинету, путаясь в рваных, отчаянных мыслях. Секретарь вежливо заворачивал посетителей, переносил на «может быть, завтра» давно назначенные встречи, сам читал доклады и почту, дабы не упустить истинно важное. Но что, что, ЧТО могло быть сейчас важнее внезапной страсти Ферхади к северянке, никчемного, глупого чувства, пустившего насмарку всю игру святого отца?!

К полудню брат провозвестник подуспокоился, собрался с мыслями и принял наконец решение: выложить благородному Ферхади если не всю правду, то хотя бы часть ее и

добиться освобождения съера Бартоломью именем Святой Церкви. Осталось решить, как будет лучше: вызвать духовного сына сюда, пред строгие очи, или по-отечески навестить его дома.

– Святой отец, – в приоткрытую дверь тенью проскользнул растерянный секретарь. – Тут письмо...

К Нечистому все письма, едва не рывкнул брат провозвестник. Но Ирти не стал бы беспокоить хозяина по пустякам. Священник выхватил из подрагивающей руки лист дорогой бумаги, пробежался глазами по вязи строк. Перечитал.

«Ферхад иль-Джамидер, слуга Господа и Святой Церкви, щит сиятельного Императора в Ич-Тойвине, умоляет духовного отца своего о даровании напутствия и благословения.

В день святой Анель, покровительницы супружеских уз, намерен я взять за себя женой Мариану из Таргалы, деву чистую и богобоязненную, и прошу благословить невесту и союз мой с нею, как заповедано Господом нашим и Церковью Святой.

С тем остаюсь покорный сын Церкви, Ферхад иль-Джамидер».

Овальная печать с оскаленным львом, известная всему Ич-Тойвину, оттиснута непривычно косо. Волновался, дрогнула рука.

Брат провозвестник витиевато выругался. Ай да Ферхади! Немного же ему понадобилось времени, чтобы окрутить таргальскую скромницу.

Ну что ж, все складывается как нельзя лучше.

– Вели готовить карету, Ирти, и быстро! Я еду немедленно.

«Немедленно» в устах брата провозвестника было словом редким, и оттого сопровождаемые им приказы исполнялись с утроенным рвением. Когда светлый отец, переодевшись согласно предсвадебному канону и собрав необходимое, спустился вниз, запряженная четвериком карета уже ждала, и служка бдил, готовясь распахнуть дверцу, и кучер держал вожжи в приподнятых руках, дабы тронуть коней по первому слову господина.

– В дом начальника императорской стражи Ич-Тойвина, – скомандовал брат провозвестник. Прилюдно светлый отец старался называть своих духовных чад сугубо официально, избегая родовых титулов, личных прозвищ, а тем паче сокращенных имен. Посторонним совсем не обязательно знать, с кем из паствы он накоротке, а кого едва терпит.

Весь не слишком длинный путь брат провозвестник просидел, откинувшись на мягкую спинку сиденья и закрыв глаза. Лицо его было безмятежно, а в голове зрели детали нового плана.

Благородный Ферхад иль-Джамидер, вопреки обыкновению, встречал духовного отца на ступенях крыльца. Ждал, значит, с нетерпением, кивнул собственным мыслям брат провозвестник. С таким нетерпением, что даже не подумал соблюсти хотя бы видимость привычного ленивого равнодушия. Лев Ич-Тойвина и впрямь потерял голову от любви к северянке. Хорошо.

Ферхади почтительно принял благословение и сам распахнул дверь перед дорогим гостем. Провел в домашнюю часовню. Брат провозвестник в который раз восхитился мастерству древних строителей: солнечный свет не уходил отсюда с рассвета до заката, и вовсе не широкие витражные окна были тому причиной, а заметные только искусенному глазу зеркальные световоды, проложенные в толще стен и потолка. Храмы Капитула строили так же; но здесь, благодаря небольшому размеру часовни или утраченным позже секретам, свет не падал на молящихся безжалостно и беспристрастно, а окутывал их мягким ласковым облаком. Истинно Свет Господень, несущий радость и умиротворение...

Мариана вошла почти сразу после них, неслышной тенью, в сопровождении пожилой неторопливой служанки. Впрочем, та тут же выскользнула за дверь, и в часовне остались жених, невеста и священник.

Однако непохоже, подумал светлый отец, чтобы девица так уж рвалась замуж. Искусанные губы, заплаканные глаза. Пальцы нервно мнут подол белого платья. Но послушна: по одному знаку Ферхади подошла, встала с ним рядом; да ведь под благословение силой и не приволочешь.

Брат провозвестник улыбнулся единственно возможному объяснению. Он уже не сомневался, что уйдет от Льва Ич-Тойвина с добычей.

Жаркое послеполуденное солнце дробилось в изображающем райский сад витраже, бросало на белое платье невесты золотые блики, изумрудные тени. Добрый час, славное предзнаменование.

– Сын мой Ферхад, дочь моя Мариана! Именем Господа и святой Анель, властью Церкви, силой закона вы станете завтра мужем и женой. У вас еще будет ночь для молитвы и размышления, я же должен дать направление вашим думам и наставить вас, дабы не совершили ошибку. Подумайте, чада мои, готовы ли вы любить друг друга и оберегать, и делить горе и радость, и быть вместе в дни благополучия и в дни невзгод. Подумайте, насколько сильно в вас желание подарить этому прекрасному миру ваших общих детей, и трудиться ради их счастья, и взрастить их для Света Господнего. Подумай, сын мой Ферхад, найдет ли жена твоя в тебе опору и защиту; подумай, дочь моя Мариана, найдет ли муж твой в тебе ласку и послушание...

Губы девушки дрожали все сильнее, Ферхади хмурился, и никак эти двое не были похожи на счастливую пару. Брат провозвестник читал по памяти накрепко затверженный канон, мысли же его тем временем крутились вокруг стоящих против него двоих – и третьего, который наверняка где-то здесь, в старинном, выстроенном в беспокойные времена и потому почти неприступном доме рода иль-Джамидер, младшей законной ветви потомков святого Джамидера Строителя.

Но вот сказаны последние слова напутствия, теперь надо исповедать молодых, а там уж и благословить. Если на исповеди не вскроется ничего, что может воспрепятствовать их союзу. Ну что ж, Лев Ич-Тойвина, расскажи, что ты сделал, дабы оно не вскрылось...

– Теперь же, чада мои, пришло время истины, и вы поведаете мне о помыслах своих и обстоятельствах, дабы мог я понять волю Господню и объявить ее. Идем, сын мой. А ты, дочь моя, молись покуда.

Чары неслышимости на исповедальне лежали отменные, и это была не последняя причина, почему брат провозвестник так любил этот дом и эту часовню, – любил еще при отце нынешнего хозяина, уделявшем политике куда большее внимание, чем его отважный наследник. Мало где удастся сосредоточиться на главном, не тревожась о мелочах, способных разрушить самый гениальный план. Светлый отец и его духовный сын сели друг против друга на жесткие дубовые скамьи; Ферхади молчал, с похвальной твердостью выдерживая острый взгляд священника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.